

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Іван Вишенський і його твори. Написав др. Іван Франко [докторская диссертация] Ціна 1 гульд. Львів. 1895. Стр. VII+536).

Вмѣсто предисловія считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по адресу автора диссертациі—д-ра Івана Франка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на почвѣ одинаковыхъ работъ по южно-русской литературѣ, послѣ чего между нами завязалась литературная дружба. Франко (который мнѣ позволитъ называть его такъ, не прибавляя всякій разъ учен^{наго}го титула „докторъ“ или „профессоръ“) привыкъ къ тому, что я не разъ бывало прибѣгаю къ помощи его знаній, привыкъ слышать отъ меня лестные (и вполне заслуженные) отзывы о его работахъ, и теперь, нѣтъ сомнѣнія, онъ будетъ очень и очень изумленъ слишкомъ рѣзкимъ моимъ отзывомъ о его послѣднемъ трудѣ; удивленіе его будетъ тѣмъ основательнѣе, что даже журналъ „Бесѣда“ (Львовскій), который издается людьми, не благоволящими къ Франку, встрѣтилъ его диссертацию большими похвалами; такими же похвалами привѣтствовала Франка „Русская Мысль“ и „Ж. М. Н. П.“. Однако по настоящему Франко, какъ ревностный искатель и приверженецъ истины, не долженъ на меня сердиться и обижаться. Онъ долженъ помнить, во-первыхъ, что *amicus Plato, sed magis amica veritas* (т. е. наука), а во-вторыхъ—что именно чувство дружбы заставило меня вдаться въ очень детальный

разборъ его диссертациі и тщательно подчеркнуть въ ней слабый мѣста. Второе, дополненное изданіе „Ивана Вышенскаго“, которое не заставитъ себя ждать (срв. обѣщаніе автора на стр. V и стр. 498), пусть считается со всевозможными возраженіями, пусть, если можетъ, опровергаетъ ихъ, пусть поддерживаетъ свои положенія новыми, ужъ неотразимыми аргументами, или пусть откажется отъ нихъ,—и тогда мы будемъ имѣть вполне обработанное, продуманное *ислѣдованіе*, то, что называютъ „перлъ созданія“; при эрудиціи и талантѣ Франка мы вправѣ отъ него требовать этого. Самъ Франко говоритъ въ предисловіи (стр. V), что за каждое дополненіе, за каждую поправку онъ будетъ благодаренъ: надѣюсь, что и по отношенію ко мнѣ онъ не измѣнитъ своему обѣщанію. Рѣзкій тонъ моей рецензіи обусловленъ тѣмъ, что я вовсе не имѣю въ виду отмѣчать *достоинства* Франковской диссертациі, а наоборотъ—имѣю въ виду собственно указать ея слабые стороны.

Выписки, которыя мнѣ придется дѣлать изъ разбираемой диссертациі, я всегда буду предлагать въ русскомъ переводѣ; малорусскія слова буду передавать въ транскрипціи, установленной въ Россіи.

„Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели, при своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событий были забыты“, такъ говоритъ проф. Сумцовъ въ началѣ своей статьи о Вышенскомъ („Кіевская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 649). „Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдастъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, страхнувъ пылъ съ драгоценныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру. Южно-русскій писатель начала XVII в. Іоаннъ изъ Вышніи входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Лучшие люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энерги-

ческаго, умнаго, образованнаго зашитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣдніа два десятилѣтія (съ 1865 г.) люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы“.

Проф. Сумцовъ ошибался, думая, что только съ 1865-го г. началось знакомство русской публики съ Вышенскимъ. Въ 1848-мъ г. вышелъ въ Кіевѣ 1-ый т. „Памятниковъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ“, гдѣ на стр. 248, въ „Совѣтованіи о благочестіи“ упоминается имя „Іоанна, порекломъ Вышенского“. Въ томъ же 1848-мъ г. П. Строевъ, въ описаніи рукописей Царскаго (въ Москвѣ), сообщилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого Іоанна. Въ 1860-мъ году Галицкій ученый А. Петрушевичъ издалъ въ „Зорѣ Галицкой, яко альбумъ на 1860-й годъ“ житіе Іова Княгининцаго, извѣстнаго южно-русскаго аскета и друга Вышенскаго; это житіе содержитъ въ себѣ данныя и для біографіи Вышенскаго. Изданіе сочиненій нашего автора и изслѣдованія о немъ начались съ 1865-го г. и потомъ уже не прерывались, пока наконецъ въ 1895-мъ г. не вышла докторская (т. е. магистерская по-нашему) диссертація Івана Франка. Въ теченіе этого тридцатилѣтняго промежутка (1865—1895) занимались личностью и произведеніями Вышенскаго, или по крайней мѣрѣ обращали на него извѣстное вниманіе, такіе ученые, какъ Костомаровъ, Голубевъ, Соловьевъ, преосв. Макарій, преосв. Филаретъ, Кулишъ, Пыпинъ, Лебедевъ, Завитневичъ, Сумцовъ, Огоновскій, Игн. Житецкій (сынъ извѣстнаго филолога, который, впрочемъ, также кой-что сказалъ о Вышенскомъ), преосв. Порфирій (Успенскій) и Франко. Многіе изъ названныхъ изслѣдователей обращались къ Вышенскому не одинъ разъ (Франко также выступилъ впервые съ своею очень важною работою о ~~Вышенскомъ~~ еще 1889-мъ г.) Насколько можно подсчитать, о нашемъ писателѣ составлено до 25 и болѣе изслѣдованій, статей и замѣтокъ, такъ-что Франко имѣлъ полное право сказать (въ новѣйшемъ

своемъ трудѣ), что Ивану Вышенскому, забытому съ 1621-го года, уцѣлѣвшему до нашего времени только случайно и вырытому изъ библиотечной пыли, посчастливилось такъ, какъ *редко кому* изъ старыхъ южно-русскихъ писателей. Дѣйствительно, объ очень многихъ изъ нихъ, и притомъ о писателяхъ очень важныхъ, существуетъ одно-два-три небольшихъ изслѣдованія, принадлежащихъ преимущественно одному Сумцову, а Вышенскимъ, который не успѣлъ еще попасть даже въ школьную исторію литературы (и Галахова, и Порфирьева), ужъ занимался цѣлый рядъ ученыхъ, и притомъ, въ большинствѣ, перваго ранга. Чѣмъ заслужилъ Вышенскій такого усердія со стороны нынѣшнихъ ученыхъ, станетъ вполнѣ ясно изъ разбора диссертациі Франка, особенно третьей части ея. Пока-что отмѣчу, что изслѣдованія о ^{Вышенскомъ} ~~Вышенскомъ~~ принадлежатъ главнымъ образомъ перу малороссовъ и при томъ такихъ, которые любятъ „наименшого брата“ и чутки къ его потребностямъ. Монахъ-демократъ, демократизмъ котораго можно было забыть въ вѣкъ пренебреженія къ хлопамъ, охотно былъ воскрешенъ въ XIX-мъ вѣкѣ, въ вѣкѣ наибольшаго развитія заботъ и вопросовъ о судьбѣ и благосостояніи народныхъ массъ; малорусскій монахъ, требовавшій, чтобы проповѣдь „для вырозумѣнія людского попросту толковалась и выкладывалась“, охотно былъ воскрешенъ въ вѣкъ пробужденія національнаго чувства у малороссовъ. Покойный проф. Ом. Огоновскій, талантливый филологъ, но вовсе не талантливый историкъ, дошелъ въ своемъ умиленіи и вдохновеніи даже до курьезовъ: „Такъ отже сей чернецъ въ чоботыщахъ невытертыхъ бувъ незвычайнымъ явщємъ въ тодишній жизни суснильній. Хоть винъ не знавъ науки схоластичної, то сылою виры и прыроднымъ умомъ взрисъ справди въ велѣта, супротивъ котрого сучасни книжныкы явылись покотыгорошкомъ“ („Исторія литературы руской“, т. I, стр. 143).

Первыя 76 страницъ диссертациі Франка носятъ заглавіе: „Дотеперішні праці про Ивана Вышенського“. Изслѣдователь, держась хронологическаго порядка, аккуратно разсматриваетъ всѣ сочиненія, касающіяся Вышенскаго, сжато, но точно излагаетъ содержаніе каждаго сочиненія и сопровождаетъ такимъ

же сжатымъ разборомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Франка былъ въ значительной степени облегченъ статьей Игн. Житецкаго („Кіев. Ст.“ 1890), который также позаботился составить обзоръ трудовъ своихъ предшественниковъ; но то былъ краткій и бѣглый очеркъ, а у Франка обзоръ произведенъ съ большой обстоятельностью и полнотою. Однако нѣкоторые пропуски есть и у Франка. Самъ онъ сознается, что не досталъ, а потому и не разсмотрѣлъ двухъ книгъ: 1) Успенскаго: „Исторія Аѳона“, въ Академическомъ изданіи (1892,—изъ нея онъ, впрочемъ, ничего для себя не извлекъ бы) и 2) Голубева: „Объяснительные параграфы изъ исторіи южно-русской церкви“ (Кіевъ 1893,—эта книжка была бы для него очень полезна). Въ виду старательности Франка и его склонности отмѣчать въ библіографіи о Вышенскомъ самыя маленькія замѣтки, я считаю позволительнымъ указать за нимъ еще пропуски: онъ даже не обмолвился о П. И. Житецкомъ, который также бросилъ нѣсколько словъ о Вышенскомъ; Ф. Терновскій посвятилъ Іоанну статейку во 2-мъ томѣ своего „Изученія Визинтійской исторіи“; Лось составилъ (прескверную) статью для „Энциклопед. Словаря“ Брокгауза и Ефрона; Н. Сумцовъ упомянулъ о языкѣ Вышенскаго въ своей статьѣ „Рѣчь Ивана Мелешка“ въ „Кіев. Стар.“ 1894, май и въ своемъ разборѣ „Мыслей о малорусскихъ думахъ“ П. И. Житецкаго, въ „Этногр. Обзор.“ 1895, вн. I.

Немного можно возразить Франку насчетъ первой части его диссертациі, но все же кое-что найдется. На стр. 31, разбирая статью Лебедева, Франко говоритъ: „Интересна выписка изъ одного письма еп. Балабана, въ которомъ онъ упрекаетъ перемышльское духовенство, что оно „хватные дѣвки вѣнчаетъ“, изъ чего можемъ догадываться, что Несторовскій обычай („умыкываше дѣвица у водъ“) существовалъ въ перемышльской епархіи еще въ концѣ 16-го вѣка“. Ни о какомъ подобномъ обычаѣ (т. е. умыканіи у водъ) мы отсюда догадываться не можемъ, „хватныя дѣвки“—обыкновенныя бѣглянки, которымъ власть родителей запрещаетъ вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ; случаи бѣгства дочери изъ дому повторяются и теперь, во всѣхъ слояхъ общества, они будутъ повторяться до тѣхъ поръ,

пока будетъ существовать любовь и наряду съ нею родительское запрещеніе, и никакого отношенія къ этнографіи они не имѣютъ. — На стр. 38, возражая Завитневичу, который похвалилъ извѣстное сочиненіе Скарги „O rządzie i jedności kościoła Bożego“ за научность и сказалъ, что „Зачапка“ Вышенскаго далеко не доросла до книги Скарги въ научномъ отношеніи, Франко спрашиваетъ: „Стоило бѣ узнать, что это за такая научность у Скарги“? Это пренебрежительное замѣчаніе находится въ противорѣчій съ тѣмъ (болѣе справедливымъ) мнѣніемъ Франка о Скаргиной книгѣ, которое онъ не разъ высказываетъ во второй части диссертации. — Не соглашаясь точно также и съ Голубевымъ (на стр. 33), который ставилъ Вышенскаго въ научномъ отношеніи гораздо ниже Бронскаго (автора „Апокрисиса“), Франко опять противорѣчитъ себѣ, потому что во 2-ой части диссертации (на стр. 113) самъ ставитъ ученость Бронскаго *гораздо* выше, чѣмъ Вышенскаго. — На стр. 57—62 Франко разбираетъ статью Игн. Житецкаго. Кстати замѣчу, не въ укоръ впрочемъ Франку, что не мѣшало бы поточнѣе отмѣчать имя этого автора статьи о Вышенскомъ, чтобы читатель не приписывалъ этой статьи извѣстному нашему филологу Павлу Игнатьевичу Житецкому. До чего принято считать авторомъ статьи не И., а П. Житецкаго, можно заключать изъ того, что вполне солидное изданіе „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона помѣстило статью „Іоаннъ Вышенскій“ въ списокъ сочиненій Павла Игнатьевича... Рецензируя упомянутую статью, Франко впалъ въ нѣкоторыя преувеличенія, отчасти благодаря авторской скромности. Какъ ни цѣнна статья Игн. Житецкаго, („Кіев. Ст.“ 1890, іюнь), все же нельзя ее ставить выше *всѣхъ* прочихъ *ислѣдованій* о Вышенскомъ (стр. 57) ужъ просто потому, что болѣе ранняя статья Франка („Кіев. Ст.“ 1889) ничуть не менѣе цѣнна. Излишне превознесши Игн. Житецкаго въ одномъ мѣстѣ, Франко въ другомъ мѣстѣ такъ же излишне его унижаетъ (стр. 62): Франко строго упрекаетъ Житецкаго за сдѣланную имъ въ его статьѣ характеристику эпохи, — но вѣдь эта характеристика все же лучшая въ ряду другихъ, а у Франка, въ его большой диссер-

таціи, нѣтъ и вовсе никакой характеристики той эпохи, когда проповѣдникъ дѣйствовалъ!

Вторая часть диссертациіи содержитъ анализъ произведеній Вышенскаго, но я предпочитаю разобрать сперва третью часть—„Біографію и характеристику Вышенскаго“, которую считаю большимъ мѣстомъ всей диссертациіи.

Нужно замѣтить, что касательно жизни нашего полемиста мы располагаемъ только двумя-тремя коротенькими свѣдѣніями. Именно: въ „Житіи и жизни преподобнаго отца нашего Іова, основателя скита Манявскаго“, которое составилъ „многогрѣшный іеромонахъ Игнатій зѣ Любарова, въ то время жительствующій въ сей святой обители Скитской“, сказано, что Іоаннъ Вышенскій былъ другомъ Іова и пришелъ съ Аеона на нѣкоторое время къ нему въ Угорницкую обитель, потомъ присутствовалъ при основаніи скита Манявскаго и, „поживши зде, паки отъиде въ Святую гору“ въ годъ смерти Гедеона Балабана. („Зоря Галицкая“, 1861, стр. 233, 234, 235). Второе свѣдѣніе находится въ короткомъ меморіалѣ православныхъ 1621 г.: „Совѣтованіе о благочестіи“, гдѣ рѣшаютъ между прочимъ вызвать съ Аеона для борьбы съ уніей „блаженного Іоанна, по рѣкломъ Вышенскаго“ („Пам., изд. врем. комисс. для разб. древ. акт.“, 1848, стр. 248). Третье современное свидѣтельство открыто недавно Франкомъ; письмо александрійскаго патріарха Мелетія Пига, свидѣтельствующее о томъ, что патріархъ зналъ и уважалъ Вышенскаго. Вотъ и всѣ документальныя данныя. Если мы пожелаемъ узнать что-нибудь поподробнѣе о жизни и нравственномъ обликѣ нашего писателя, то должны будемъ извлекать всѣ свѣдѣнія изъ его же произведеній. Работа эта не совсѣмъ легкая или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ устойчивая, въ особенности разъ дѣло коснется характеристики его: тутъ ужъ едвали не каждый ислѣдователь приходитъ къ разнымъ результатамъ и понимаетъ личность Іоанна по-своему. Поставимъ, напр., рядомъ двѣ добросовѣстныхъ характеристики—Сумцова и Игн. Житецкаго,—что въ нихъ общаго? Что касается

Франка, то онъ, характеризуя личность Вышенск^{го}, болѣе приближается къ Житецкому, чѣмъ къ Сумцову; это, впрочемъ объясняется тѣмъ, что Игн. Житецкій въ свое время пользовался одной изъ прежнихъ статей Франка же.

Что же новаго даетъ намъ Франко теперь? До сихъ поръ считалось неопровержимымъ фактомъ, что настоящей (т. е. свѣтской) фамилии автора „Посланій“ мы не знаемъ; такъ думалъ прежде и Франко („Кіевск. Стар.“ 1889, апр., стр. 144). Прозвище „Вышенскій“ происходитъ отъ имени родины Іоанна, мѣстечка „Судова Вышня“ въ Галичинѣ. Онъ обыкновенно такъ и подписывался: „Іоанъ мнихъ (и)зъ Вышнѣ“, или также „(и)зъ Вышней“, такъ какъ „Вышня“ есть, собственно, форма прилагательная (отъ „Курськ“ род. п. будетъ по-малорусски „Курська“ и „Курського“, отъ „Ривно“—„Ривна и „Ривною“, и т. п. отъ „Вышня“ „Вышни“ и „Вышньої“) Франко сперва считаетъ нужнымъ бездоказательно предположить, что р. п. „Вышней“—это полонизмъ, и что настоящее имя мѣстечка есть форма имени существительнаго (зачѣмъ ему понадобилось это предположеніе, мы увидимъ впослѣдствіи), а потомъ произноситъ неожиданное заявленіе, что названіе „Вышенскій“ („Вишенскій“ пишетъ Франко) не только указываетъ на происхожденіе проповѣдника изъ Вышни, но что это должно быть также его свѣтской, родовой фамиліей. Вотъ доказательства Франка: „Подъ посланіемъ къ старицѣ Домникии Іоаннъ подписался, вм. обычнаго „изъ Вышни“,—„странникъ реченный Вишенскій“. Вопросъ рѣшается (продолжаетъ Франко), при свидѣтельствѣ современниковъ: Игнатія изъ Любарова, авторовъ „Совѣщанія („—ованія“!—А. К.) о благочестіи“ и, наконецъ—переписчика „Позорища мысленнаго“, которое было списано съ авторскаго автографа; всѣ они согласно называютъ его Вышенскимъ или Вишенскимъ,—значить, это была его фамилія, а подпись „зъ Вышней“ свидѣтельствуетъ только о мѣстѣ его рожденія“. Я думаю, каждому бросается въ глаза неестественность и натянутость такого объясненія; я думаю, никто не станетъ сомнѣваться, что „Вышенскій“—просто прилагательное, замѣняющее собою предлогъ съ род^{ителю} ~~падежемъ~~ существительнаго („=изъ Вышни“). И притомъ не безынтересно

обратить вниманіе на то, какъ осторожно употребляетъ Іоаннъ для своего названія форму прилагательную: онъ къ ней прибавляетъ имя существительное нарицательное. Въ „Посланіи къ Домнікии“ онъ подписывается „странникъ, реченный Вышенскій“, а это значить: „такъ называемый“, или „прозванный“ Вышенскимъ. Есть еще одна подпись, о которой Франко не упоминаетъ: въ посланіи къ Ставропигійскому братству мы читаемъ: „Іоанъ, *русинъ* Вышенскій“. Немногочисленные современники, которые упоминаютъ объ Іоаннѣ вскользь, и на которыхъ ссылается Франко, вѣдь ничего не говорятъ прямо о свѣтской фамилии Іоанна, а если они называютъ его сокращенно „Іоанъ Вышенскій“ (въ „Совѣтованіи“ впрочемъ стоитъ: „Іоанна, по-рекломъ вишенского“) то руководятся тѣмъ же соображеніемъ, какимъ руководился въ 1889-мъ году Франко, озаглавившій тогда свою статью: „Іоаннъ Вишенскій“ и начавшій ее заявленіемъ, что мы совсѣмъ не знаемъ фамиліи писателя.

Если Іоаннъ былъ ровесникомъ Іова Княгиницкаго, своего друга (а у насъ нѣтъ основаній считать его младше или старше), то родился онъ около 1550 года. Франко, безъ всякихъ разсужденій, отодвигаетъ годъ его рожденія на пять лѣтъ назадъ. Зачѣмъ и почему?

Основываясь на слишкомъ явныхъ демократическихъ симпатіяхъ Іоанна, всѣ ^уислѣдователи до сихъ поръ предполагали, что онъ родомъ былъ крестьянинъ или мѣщанинъ. Франко (стр. 419), опять неизвѣстно зачѣмъ, считаетъ нужнымъ предположить, что его родители были *зажиточные* мѣщане, или даже мелкіе дворяне (т. е. такой слой общества, который какъ разъ внушаетъ идеалы не демократическіе, а буржуазные!). Вотъ слова Франка: „Не могъ онъ происходить изъ совсѣмъ простой и совсѣмъ бѣдной семьи, если могъ получить хоть кой-какое образованіе („освѣиту“), если могъ выбраться изъ родного гнѣзда на болѣе широкій свѣтъ и если, живя въ Луцкѣ, могъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ какимъ-то высшимъ католическимъ духовнымъ“. Два вторыхъ основанія я совсѣмъ оставляю безъ вниманія (они вѣдь не выдерживаютъ малѣйшей критики), а насчетъ „якой-такой освѣиты“ замѣчу, что „яка-така

осѣвита“ не есть „велика осѣвита“. Изъ чего она могла состоять? Самъ Франко догадывается: учился Іоаннъ, конечно, не выше, чѣмъ въ приходской школѣ, и могъ тамъ выучиться чтенію, писму, часослову, псалтыри и церковному пѣнію,—не больше. Ну, для пріобрѣтенія такой „осѣвиты“ вовсе не требовалось рода ни богатаго, ни дворянскаго!

Конечно, приходская школа—это только предположеніе Франка. Церковное пѣніе, которое изучилъ маленькій Іоаннъ, также не выходитъ изъ области вѣроятій. Но Франку мало всѣхъ этихъ предположеній. По его мнѣнію, у мальчика могъ быть въ дѣтствѣ прекрасный голосъ, въ школу могъ захватъ какой-нибудь православный магнатъ, голосъ мальчика могъ ему понравиться, и магнатъ могъ взять его къ своему двору, и этимъ дворомъ скорѣе всего могъ быть дворъ князя Острожскаго. (По какому дѣлу могъ кн. Острожскій захватъ въ приходскую Вышенскую школу, находившуюся за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острога, Франко умалчиваетъ). Какъ видимъ, Фраіко не задумывается нагромождать вѣроятности одну на другой, лишь бы пристроить бѣднаго Вышенскаго къ какому-нибудь православному магнату. „Скорѣе всего это могъ быть кн. Острожскій, къ которому нашъ авторъ очевидно чувствовалъ нѣкоторое благоговѣніе, если его имя поставилъ во главѣ одного изъ своихъ первыхъ посланій.“ (По счету Франка же, оно восьмое!) и притомъ безъ всякой „внутришней потребности“ (стр. 421). Ну, а если бѣ Іоаннъ ни дня, ни часа, ни минуты не жилъ въ молодости при Острожскомъ дворѣ и если бы до поступленія въ монастырь не былъ лично знакомъ съ княземъ, то что ему помѣшало бы адресоваться съ Аѳона со своимъ антиуніатскимъ посланіемъ къ сильнѣйшему и дѣятельнѣйшему русскому противнику уніи?! Что помѣшало бы аѳонскому православному монаху благоговѣть передъ мужественнымъ ревнителемъ православія на Руси?! Или для этого необходимо было непременно личное знакомство съ княземъ?? Франко говоритъ, что посланіе, озаглавленное „Писаніе до кн. В. Острожскаго“ не содержитъ въ себѣ *ничего*, относящагося къ князю лично и, стало быть, послано на его имя безъ причины. А благодарность за стойкость въ вѣрѣ?—

Была, наконецъ, еще одна и „внутришняя потреба“, заставившая Вишенскаго посвятить свое „Писаніе“ князю Острожскому: оно написано Вишенскимъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Апокрисиса“ Вронскаго, а „Апокрисисъ“ вѣдь былъ изданъ княземъ въ его острожской типографіи.

„Какъ нѣкотораго рода посредствующее подтвержденіе (ранняго пребыванія Вишенскаго при острожскомъ дворѣ), можно считать тотъ фактъ, что при Острожскомъ дворѣ, и притомъ въ довольно значительномъ положеніи, находился какой-то другой Вишенскій, м. б. какой-нибудь родственникъ, если даже не братъ нашего автора“ (стр. 421). И затѣмъ Франко приводитъ отысканное имъ мѣсто изъ уніатскаго „Антипресиса“-а (1600 г.), гдѣ говорится, что кн. Острожскій сперва былъ склоненъ къ уніи и писалъ по этому поводу „лысть“ къ митрополиту, „który list podan mu był przez służę Iego X. M. Papą Wasilą starostę Suraskiego u przez Pana Wiszeńskiego“. Hier liegt der Hund begraben! Вотъ для чего Франко строилъ до сихъ поръ рядъ отчаянныхъ гипотезъ! При скудости свѣдѣній о жизни проновѣдника, ему чрезвычайно захотѣлось извлечь какую-нибудь пользу для его біографіи изъ новооткрытаго свидѣтельства въ „Антипресисъ“ о панѣ Вишенскомъ. Чтобы сдѣлать папа Wiszeńskiego родственникомъ будущему полемисту, Франко всѣми правдами и неправдами строилъ до сихъ поръ всякія предположенія о настоящей фамиліи Ивана, о его шляхетскомъ происхожденіи, о его прекрасномъ голосѣ, и пр., и пр., и пр.!

Wiszeński не могъ быть сродни „Вишенскому“ ужъ по одному тому, что эти два наименованія даже фонетически не совпадаютъ: мѣстечко называется „Вышня“ (кор. „выс.“), Іоаннъ довольно аккуратно пишетъ въ этомъ имени и въ своемъ прозвищѣ „ы“, тоже „ы“ пишутъ и современники въ прозвищѣ „Вишенскій“, и на основаніи двухъ-трехъ описокъ (напр., „порекломъ вишенского“, съ „и“) вовсе не слѣдуетъ приурочивать Вишенскаго къ Wiszeńskiemu. Впрочемъ если бъ мы упорно захотѣли видѣть въ обоихъ случаяхъ одну и ту же фамилію, то никакой пользы для біографіи Ивана изъ свѣдѣнія „Антипресиса“ не извлекли бы. Франку приходится дѣлать большія на-

тяжки, чтобы фиксировать рапа Wiszeńskiego въ Острогѣ, чтобы лишить его знатности и чтобы не отнять у него возможности быть родственникомъ Ивану. Всѣ дальнѣйшія построенія Франка объ Иванѣ зиждутся на томъ предположеніи, что рап Wiszeński былъ *слугою* князя Острожскаго; но вѣдь въ „Антипрезисѣ“ стоитъ „*slużę*“ въ ед. ч. и относится *только* къ Суражскому! У насъ нѣтъ никакихъ основаній считать и рапа Wiszeńskiego такимъ же слугою князя, жившимъ при его дворѣ, а стало быть—нѣтъ также никакихъ основаній предполагать, что онъ могъ пристроить къ княжескому двору своего молодого родственника. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ (429), самъ Франко признается, что не можетъ догадаться, какую бъ это такую должность могъ занимать нашъ авторъ при Острожскомъ дворѣ.— „Кажется однако“, продолжаетъ онъ, „что эта должность заставляла его *часто и подолу* (почему не всегда?) пробывать въ Луцкѣ, Люблинѣ и другихъ городахъ“, и Франко подкрѣпляетъ это ссылками на сочиненія самого Вышенскаго. Вотъ то-то и есть! подлинныя свидѣтельства противятся помѣщенію молодого Вышенскаго при Острожскомъ дворѣ.

Разъ мы сознаемъ это, намъ приходится отвергнуть всѣ дальнѣйшія^{ей} размышленія (лучше сказать фантазирования) Франка на тему о томъ, что горько было жить бѣдному, „худородному“ юношѣ среди знати, что придворная жизнь была для него суrowой и всесторонней школой, что онъ привыкъ глубоко вдумываться въ себя и среду, что радикально-демократическіе идеалы насчетъ всеобщей равноправности были естественной реакціей противъ „дуковъ-срибляныковъ“ и т. д., и т. д. Размышленія эти дѣлаютъ честь благородству мыслей Франка и его творческому таланту, но ничего общаго съ исторіей не имѣютъ. А прекрасной школой жизни для Вышенскаго могли быть, и безъ Острога, Луцкъ и Люблинъ, гдѣ Вышенскій близко присматривался къ внутреннему быту нѣкоторыхъ „сильныхъ міра сего“. Напр., изъ „Краткословнаго отвѣта Θεодула“ намъ извѣстно, что въ Луцкѣ какой-то развращенный латинскій „мистръ“ относился къ нему очень дружественно и рассказывалъ ему, какъ онъ соблазнилъ и обезчестилъ одну дѣвушку. Чѣмъ объясняется такая

интимность, сказать нельзя. Догадокъ, конечно, можно строить очень много. Однако, словно нарочно, та, которую выставилъ Франко, является наименѣе правдоподобной. Франко дѣлаетъ Вышенскаго *равнымъ* другомъ высокопоставленнаго каноника и придаетъ самому Вышенскому какое-то высокое общественное положеніе. Но передъ высокопоставленнымъ православнымъ русиномъ высокопоставленный католическій духовный не сталъ бы откровенничать. Гораздо проще думать, что Вышенскій былъ у него козачкомъ и довѣреннымъ „личардой“, передъ которымъ знатный „мистръ“ не считалъ нужнымъ конфузиться. Довольно спокойно можно допустить и то предположеніе, что пожалуй самъ Иванъ любилъ въ молодости, по мѣрѣ средствъ, покутить, пожуировать, „пожить“, такъ что у него было много общихъ чертъ съ развращеннымъ ксендзомъ. Франко скажетъ, что моя догадка недостойна, и что она омрачаетъ свѣтлый образъ нашего проповѣдника. Но она психологически очень вѣроятна! Вышенскій былъ вѣдь человѣкъ увлекающійся, „человѣкъ, умѣющій сильно любить и сильно ненавидѣть“, (слова Франка! см. стр. 492), „человѣкъ, рѣшительный въ добромъ или зломъ“ (ibid), человѣкъ горячій и пылкій,—неужели же онъ въ молодости не отдалъ дани молодости, а такъ сразу, чуть не съ пеленокъ, сталъ помышлять о монастырѣ? Чегожъ бы онъ возненавидѣлъ суету міра, еслибъ этой суеты не испыталъ на себѣ? И въ монастырь-то чего онъ поступилъ? Неужели не для того, чтобы замаливать грѣхи? Да это едвали не законъ, что всѣ энергическіе, пылкіе аскеты-моралисты имѣли молодость очень бурную и полную увлеченій: для подтвержденія, посмотримся внимательно въ біографіи греческихъ философовъ сколько-нибудь аскетическаго направленія, посмотримся въ христіанскія житія святыхъ (причемъ, понятно, исключеніе сдѣлаемъ для того разряда житій, гдѣ младенцы - святые не вкушаютъ молока отъ груди матери въ пятницу, въ среду и прочіе постные дни), посмотримся наконецъ въ тѣ аскетическія біографіи, гдѣ наиболѣе сохранилось правдивыхъ, реальныхъ чертъ,—въ біографіи святыхъ дервишей-суфіевъ (онъ есть и въ нѣмецкомъ переводѣ Гаммера, много томовъ),—вездѣ мы увидимъ подкрѣпленіе пред-

ложеннаго мною закона. Я думаю, что пылкій Вышенскій, котораго мнози страсти бороли до старости (см. его письмо къ Іову), не составляет исключенія; я думаю, что его слова: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ“ („Краткословный отвѣтъ“) служить самымъ яснымъ признаніемъ въ бурно проведенной молодости.— Что касается догадки Франка, будто Вышенскій, выслушавши ^ра^зска^зъ важнаго ксендза, постригся отъ ^по^ст^ри^га ^не^ро^во^у въ монахи, то эта догадка ровно ничего не стоитъ. Во-1-хъ, какъ видно изъ „Краткословнаго отвѣта“, пылкій Вышенскій слушалъ ^ра^зска^зъ „мистра“ очень долго, внимательно, со всѣми подробностями и, стало быть, довольно хладнокровно; во-2-хъ онъ „мистра“ ^{хорошо} зналъ давно и хорошо (вѣдь „дружбу мѣлъ“ съ ним!), и признаніе друга насчетъ блуда не могло поразить его неожиданностью; въ 3-хъ ^{хорошо} самъ Франко (стр. 430) собралъ много данныхъ, изъ которыхъ видно, что все латинское духовенство не отличалось въ то время чистотою нравовъ, и случай, передаваемый Вышенскимъ, былъ вещь слишкомъ обычная, чтобы потрясти все существо Вышенскаго.

Постригся ли Вышенскій еще на родинѣ, или только на Аѳонѣ, Франко не пытается рѣшить: онъ даже обходитъ молчаніемъ первое предположеніе. А жаль: еслибъ вдругъ открылось, что оно вѣрно, то, при склонности Франка строить нѣкоторыя главы 2-ой части на психологіи, ему пришлось бы иногда оцутиться на мели.

Франко предполагаетъ (стр. 425), что еще до ухода на Аѳонъ Вышенскій завязалъ дружескія отношенія съ Иваномъ Княгиницкимъ (позже Аѳонскимъ схимонахомъ Іовомъ, насадителемъ монастырей въ Галичинѣ). Предположеніе это ни на чемъ не основано,—развѣ только на другомъ шаткомъ предположеніи, которое я ужъ постарался опровергнуть, именно, что Вышенскій жилъ при дворѣ князя Острожскаго; а тамъ, какъ ужъ несомнѣнно извѣстно, былъ ученикомъ и потомъ учителемъ Академіи Іовъ. („Зоря Галицк., яко альб. на 1861 годъ“, стр. 228). Первое возраженіе Франку—то, что ему не удастся въ своихъ гипотезахъ свести концы съ концами. Вѣдь по его ^ра^зс^чету (о чемъ рѣчь дальше) Вышенскій въ 1578 году ушелъ

ужь на Аѳонѣ, а Острожская академія открыта только въ 1580 г. (См. Порфирьевъ: „Ист. русск. слов“, 1891, т. I, стр. 603, гдѣ ссылка на Ѳ. Четыркина: „Князь К. К. Острожскій, какъ защитникъ православія въ ю.-з. Руси въ XVI. ст.“; + Галаховъ: „Ист. р. сл.“, I, стр. 353). Впрочемъ, если бѣ Франко рѣшилъ даже подвинуть время ухода Вышенскаго на Аѳонѣ на нѣсколько лѣтъ впередъ (т. е. на болѣе позднюю пору, чѣмъ 1580-й годъ), то и въ томъ случаѣ незачѣмъ намъ предполагать раннее знакомство Вышенскаго и Княгиницкаго (въ Острогѣ, или вообще на родинѣ), разъ у насъ нѣтъ документальныхъ основаній для такого предположенія. Да и какіѣ могли быть отношенія, что могло быть общаго въ мірѣ—у необразованнаго Вышенскаго и ученаго профессора Іова? Съ болѣшимъ основаніемъ можно думать, что Вышенскій и Княгиницкій подружились ужь на Аѳонѣ, какъ земляки на чужбинѣ и какъ послушники.

Теперь посмотримъ, какъ пытается Франко опредѣлить время ухода на Аѳонѣ какъ Вышенскаго, такъ и Княгиницкаго. Когда Франко не пускается въ поѣтическія гипотезы, а просто анализируетъ документы, тогда онъ обнаруживаетъ и проникаемость, и остроуміе. Разбирая житіе Іова, составленное Игнаціемъ изъ Любарова, и подвергая его критикѣ, Франко прекрасно показываетъ, что основатель Манявскаго скита удалился на Аѳонѣ въ 1584-мъ году. „Что же касается Вышенскаго, продолжаетъ Франко, пугая читателя, который успѣлъ было отдохнуть отъ чудовищныхъ гипотезъ,—то онъ, вѣроятно, былъ старше Іова на нѣсколько лѣтъ и потому (!) удалился на Аѳонѣ раньше“. Откуда сіе?! На чемъ основано это изумительное „вѣроятно“ и еще болѣе изумительное „потому“? Отчего не держаться того предположенія, какого держались предшествовавшіе изслѣдователи, — что Вышенскій былъ ровесникомъ Княгиницкаго? (Ничто, впрочемъ, не препятствуетъ думать, что Вышенскій могъ быть даже младше Княгиницкаго). Да если бѣ мы и повѣрили яснovidѣнію Франка, т. е. тому, что Вышенскій былъ старше Іова на три-четыре года, то вытекаетъ ли отсюда, что онъ *потому* не могъ попасть на Аѳонѣ въ одно время съ Іовомъ? — Не трудно догадаться, зачѣмъ нужны

Франку всѣ его хитросплетенія: нужны они ему по той причинѣ, что ему хочется видѣть Вышенскаго въ Охридѣ между 1576—1580 г.г., т. е. вскорѣ послѣ убіенія Варлаама, который былъ убитъ, *быть можетъ* (!), около этого времени; такимъ образомъ Франку удастся подыскать какую-либо дату составленія для „Новины, или вѣсти о обрѣтеніи тѣла Варлаама“. Что такое эта пресловутая „Новина“, подробно объ этомъ мы поговоримъ еще не разъ, теперь я голословно заявлю, что написана она не раньше 1598-го года (!) и, кромѣ того, не имѣетъ права считаться сочиненіемъ Вышенскаго. — Интересна попытка Франка не ограничиться однимъ только предположеніемъ, но *доказать*, что на Аѳонѣ Вышенскій поступилъ именно между 1576—1580 годами. — Іовъ Княгиницкій, — говоритъ онъ, — долженъ былъ выдержать на Аѳонѣ 13½ лѣтъ искуса, причемъ ничего не смѣлъ тогда ни читать, ни писать; тому же искусу, вѣроятно, подвергался и Вышенскій; писать онъ началъ въ 1589-мъ году, — отнимемъ 13½ лѣтъ, получается приблизительно 1578. — Здѣсь цѣлая куча загадокъ. Что, 13½ лѣтъ искуса, это неизмѣнный законъ, что ли? Какъ будто не могъ искусъ тянуться разные сроки, смотря по убѣжденіямъ того старца, къ которому новичекъ поступалъ на послушаніе! А, быть можетъ, у Вышенскаго искусъ длился дольше, чѣмъ у Княгиницкаго? — Повѣрить этому можно, потому-что Иванъ былъ натура болѣе обуреваемая злыми духами. А то, быть можетъ, искусъ Вышенскаго былъ несравненно короче, чѣмъ Княгиницкаго? — Что жъ! И это предположить мы вправе, потому-что въ виду необходимости бороться православію съ уніей старецъ спокойно могъ пустить Ивана пораньше на благочестивое дѣло. — Впрочемъ, если мы вслѣдъ за Франкомъ пожелаемъ назначить Ивану тѣ же 13½ лѣтъ искуса, то развѣ разность уменьшаемаго 1589 и вычитаемого 13½ будетъ 1578? И наконецъ, съ какой стати Франко вычитаетъ цифру лѣтъ искуса изъ 1589, а не изъ другого числа? Вѣдь онъ самъ увѣряетъ во второй части диссертациі, что первое свое произведеніе Вышенскій написалъ въ промежуткѣ между 1576—1580 годомъ, второе — вскорѣ послѣ того,

трегье—въ началѣ 80-хъ годовъ! а къ 1589—90 году относится, по счету Франка, *ужь четвертое* произведеніе Вышенскаго.

Какой дорогой поѣхалъ Вышенскій на Аѳонъ? Прямая и обычная дорога—черезъ Молдавію, Рущукъ, Пловдивъ, Константинополь, а оттуда—моремъ до Аѳона. Но Франко, не имѣя никакихъ документальныхъ намековъ, гонить Вышенскаго черезъ Карпаты въ Венгрію, оттуда—въ Сербію, оттуда—въ Верхнюю Албанію, въ Охридъ, Велесъ и по Вардару въ Солунь. Самъ Франко сознается, что о такомъ маршрутѣ Вышенскаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что это дорога неупотребительная, что это дорога очень тяжелая, но... вы должны, господа читатели, согласиться на такой маршрутъ, иначе отымете у Франка возможность поразсуждать на счетъ все той же злополучной „Новины“!—„Прямой дорогой“, говоритъ намъ Франко, „Вышенскій могъ не поѣхать потому, что времена около 1580-го года въ странахъ задунайскихъ, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи и Албаніи были временами волненій, бунтовъ и партійныхъ препирательствъ“. Но во ^{нѣмѣцк} 1-хъ, дорога, приписанная Вышенскому Франкомъ (черезъ Венгрію), ничуть не удобнѣе обычной, потому что она и гораздо длиннѣе, и утомительнѣе, и тѣхъ же балканскихъ странъ не избѣгаетъ; во ^{болгарск} 2-хъ—какихъ-нибудь страшныхъ, необычныхъ волненій на Балканскомъ полуостровѣ около 1580 года не было: то, о чемъ разсказываетъ Гаммеръ (Hammer-Purgstall: Geschichte des Osmanischen Reiches. Pesth, 1829, IV, 21, 23) и на что ссылается Франко, вовсе не выходитъ изъ ряда повседневныхъ турецкихъ событій; и въ ^{италіанск} 3-хъ—съ какой стати Франко заинтересовался положеніемъ балканскихъ дѣлъ 1580-го года, разъ онъ самъ потщился доказать, что въ 1578-мъ году Вышенскій былъ ужь на Аѳонѣ?—По моему, Франко долженъ отказаться отъ своего фантастическаго маршрута и пустить Вышенскаго на Аѳонъ обыкновеннымъ, традиционнымъ путемъ, какимъ тотъ поѣхалъ, должно быть, не одинъ, а съ толпою бывалыхъ богомольцевъ, и могъ чувствовать себя съ ними безопаснѣе отъ всякихъ „розрухивъ“, чѣмъ путешествуя по какимъ-то глухимъ захолустьямъ (и, вѣроятно, одинъ!).—„Дорога черезъ Охридъ объяснила бы намъ составленіе нашимъ авторомъ

„Новины объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго“ и тотъ теплый интересъ къ Охридѣ, какой видѣется въ заключительныхъ строчкахъ „Новины“,—говорить Франко на стр. 434. Что собственно значитъ эта фраза и какой процессъ авторскаго мышленія, мы по ней подмѣчаемъ? Новидимому, мы здѣсь имѣемъ энтимему: „Такъ-какъ Вышенскій шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду, то у него и явилось желаніе задушевно написать „Новину“. — Такъ! но откуда жъ Франко добылъ сюда малую посылку (т. е. первую половину фразы)? Она у него возникла вѣдь, какъ выводъ изъ предшествовавшей энтимемы: „Такъ-какъ у Вышенскаго есть задушевное сочиненіе „Новина“, касающееся охридянъ, то, значитъ, онъ шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду“. Это называется логическій кругъ, *petitio principii*. (Изъ-за той же „Новины“ Франко еще разъ обнаруживаетъ поползновеніе вступить въ логическій кругъ, въ опредѣленіи времени составленія „Новины“, но объ этомъ мы потолкуемъ при разборѣ второй части диссертациі). Курьезно, что въ этомъ логическомъ кругѣ, гдѣ одна посылка прямо *petitur*, другая съ своей стороны очень и очень хромаетъ. Именно: гдѣ онъ, гдѣ этотъ „теплый интересъ къ Охридѣ“, который, по словамъ Франка, видѣется въ конечныхъ строчкахъ „Новины“?? Вотъ онъ, эти конечныя строчки,—я ихъ не просто выписываю (изъ „Кіевск. Стар.“. 1890, июнь, прилож.), а даже *перевожу*, потому-что Франко, очевидно, не совсѣмъ понялъ смыслъ старославянскаго текста, полного фиктивныхъ грамматическихъ формъ: „Желающіе лично убѣдиться въ истинѣ разсказаннаго (т. е. чудесъ отъ гроба Варлаама), идите къ городу Охридѣ,—тамъ увѣритесь и узнаете, что все это не басня, но именно такъ, какъ я говорю. А несоглашающіеся отправиться въ путь и остающіеся на мѣстѣ своей родины, докажите свою вѣру (въ истину моего разсказа) дѣломъ и поревнуйте Варлаамовой добродѣтели, жизни, подвигу и мученическому вѣнцу, чтобы и самимъ получить свыше ту же благодать. Дай Господь, чтобы вы этого пожелали. Аминь“. Гдѣ здѣсь Франко усмотрѣлъ у Вышенскаго теплый, т. е. субъективный интересъ къ Охридѣ,—право, не понимаю: къ Варлааму—да, есть интересъ, но какого-нибудь намекъ на личное

отношеніе къ Охридѣ—нѣтъ. Чтобы снять съ Франка подозрѣніе въ ненаучной предвзятости и умышленномъ извращеніи смысла текста, я предпочитаю думать, что онъ просто *не понялъ* этого мѣста.

Какимъ образомъ прошли первые годы послушанія Вышенскаго, Франко считаетъ возможнымъ догадаться посредствомъ проведенія аналогіи съ послушаніемъ Іова Княгиницкаго, которое намъ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ. Конечно, догадки Франка такъ и останутся догадками, не болѣе, но самый-то приемъ *ислѣдованія* несомнѣнно очень остроуменъ. Только ужъ нужно быть послѣдовательну въ проведеніи своихъ аналогій, иначе онѣ теряютъ всякій смыслъ. Если Іовъ ничего не читаетъ, не пишетъ не смѣлъ цѣлыхъ 13½ лѣтъ своего послушанія, то на какомъ основаніи Вышенскому, котораго Франко привелъ на Аѳонъ въ 1578-мъ году, Франко приписываетъ сочиненія въ 1580-мъ году и въ началѣ 80-хъ? Если же Франко отвѣтитъ мнѣ моимъ же возраженіемъ, т. е. что для Вышенскаго могли, по неизвѣстной намъ причинѣ, быть сдѣланы исключенія, то къ чему тогда строить аналогіи?

Говоря о жизни Вышенскаго на Аѳонѣ, Франко считаетъ нужнымъ (стр. 435—438) указать здѣсь же тѣ книги, какія могли имѣть вліяніе на образованіе его убѣжденій. Еще и раньше, на стр. 431—432, Франко мимоходомъ построилъ очень остроумную гипотезу о томъ вліяніи, которое могъ оказать на Вышенскаго кальвинистъ Кровицкій. (Замѣчу кстати въ возраженіе Франку и въ защиту своего собственнаго мнѣнія, что съ такими еретическими, вольнодумными произведеніями, какъ Кровицкаго, Вышенскій могъ познакомиться и сродниться только въ томъ случаѣ, если въ молодости былъ человѣкомъ нерелигіознымъ и не строгихъ правилъ). А здѣсь, на упомянутыхъ стр. 435—438, Франко извлекаетъ изъ произведеній самого Вышенскаго прямые или скрытые указанія на его хорошее знакомство съ Діонисіемъ Ареопагитомъ и съ Іоанномъ Златоустымъ, съ Григоріемъ Синаитомъ, Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Лѣствичникомъ и мн. др. Умѣлость Франка разбираться въ документахъ и эрудиція его дѣлаетъ чтеніе этихъ

страниць очень пріятнымъ, въ особенности послѣ того колоссальнаго „riot of imagination“, какой мы видѣли на предыдущихъ страницахъ. Только говоря объ апокрифической „лектурѣ“ Вышенскаго, Франко, этотъ извѣстный знатокъ и любитель апокрифовъ, увлекается и уклоняется отъ истины. Что Вышенскій былъ знакомъ съ апокрифомъ { „Сѣтованіе земли“, съ этимъ, конечно, можно согласиться (хотя Сумцовъ, стр. 653, „Киѣв. Ст.“. 1885, апр. совѣтуетъ говорить и объ этомъ знакомствѣ поосторожнѣе), но Франко желаетъ усмотрѣть въ цитатахъ Вышенскаго намекъ еще на одинъ апокрифъ, неизвѣстный намъ,—объ Иліи и концѣ свѣта. Лукавое мудрствованіе! Вышенскій, говоря о массовомъ отпаденіи православныхъ къ уніи и католицизму, утѣшаетъ себя мыслью, что если не въ Польшѣ, то хоть въ Турціи „остало до тысящ до Иліи отъ Бога реченныхъ, иже не поклониша колени ваалу“. Переведемъ эти слова на русскій языкъ: „Осталось до тысячи (?) такихъ людей, насчетъ какихъ Богъ говорилъ Иліѣ: „Они не преклонили колѣнъ предъ Вааломъ“. Ясно, что рѣчь идетъ о тѣхъ вѣрныхъ православныхъ, которыхъ можно уподобить небольшой кучкѣ праведниковъ, оставшихся въ Израилѣ въ вѣкъ Иліи. Замѣчу кстати, что вм. „до тысящ“ слѣдуетъ здѣсь читать: „до *седми* тысящ“, какъ это и читается въ 3-й книгѣ Царствъ, XIX, 18; если бы Вышенскій хотѣлъ сказать только объ одной тысячѣ, то не употребилъ бы родъ ^{множ.} ~~ч.~~ ^{мн.} ~~ч.~~ Франко разсуждаетъ вотъ какъ: „Эти слова заставляютъ догадываться, что нашему автору была извѣстна какая-то эсхатологическая (!) легенда о концѣ міра, въ которой говорилось, что предъ концѣмъ міра, когда на землѣ воцарится Антихристъ и возмутитъ всѣхъ христіанъ, придетъ Илія и застанетъ только тысячу праведныхъ (а гдѣ жъ это у Вышенскаго намекъ на Антихриста?). Какая это была легенда или какой варіантъ (даже *варіантъ!*), мы не беремся тутъ рѣшать“. (Еще-бы!), Очевидно, что толкованіе Франка основано на непониманіи текста. Странно только, что свою гипотезу объ апокрифѣ про Илію Франко, въ другихъ мѣстахъ, прямо принимаетъ за доказанную истину и даже за несомнѣнную аксіому.

Около 1599-го г. мы видимъ Іоанна въ затворничествѣ. По этому случаю Франко приводитъ изъ сочиненія Петрашевскаго „Dziesięcioletnia podróż po Wschodzie“ свѣдѣнія о жизни монаховъ-затворниковъ. Свѣдѣнія эти очень интересны, но напрасно Франко выражается такимъ увѣреннымъ тономъ, который заставляетъ читателя думать, будто они относятся не къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, а еще къ 16-му вѣку. „Трудъ, молитва и постъ, были обычнымъ занятіемъ скитника; говорить нельзя ему было ни съ кѣмъ; обыкновенной его пищей была варенный бобъ, обыкновеннымъ лѣкарствомъ въ случаѣ болѣзни была водка, настоящая на полыни“ (стр. 440). У Петрашевскаго нѣтъ нигдѣ: „были“. Что-то не очень мнѣ вѣрится въ такое широкое распространеніе водки среди аеонскихъ подвижниковъ 16-го столѣтія (скорѣе можно повѣрить, что они всякое лѣчение считали за грѣхъ), да Петрашевскому я не особенно вѣрю даже по отношенію къ началу нынѣшняго столѣтія. Этотъ оріенталистъ, какъ извѣстно, мастеръ былъ фантазировать, а въ томъ мѣстѣ, которое по своему переводитъ Франко, сквозитъ явное зубоскальство и иронія надъ православными затворниками и желаніе разсмѣшить читателя. („Oni są zawsze zdrowi, bo nieodzowny dzban z piołunową wódką od ich bocu nie odstaje“, оп. ат., р. 79). Франко, ради научности, передѣлываетъ слова Петрашевскаго на иной, серіозный ладъ. Но вполне научнымъ было бы совсѣмъ отказаться отъ его сомнительныхъ сообщеній.

Разсуждая о вліяніи Аѳона на поддержку православія въ южной Руси въ XVI-XVII вв., Франко возста^{етъ} противъ тѣхъ историковъ, которые значительно перецѣниваютъ это вліяніе (т. е. въ сущности противъ всѣхъ нашихъ историковъ). Вопросу о вліяніи Аѳона Франко посвящаетъ стр. 443-455. Сперва онъ входитъ въ разсмотрѣніе первоначальной исторіи Аѳона, причемъ обнаруживаетъ свое знакомство съ очень многими учеными трудами по этому вопросу; на стр. 449 онъ приводитъ общій, сводный перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи Аѳона, и пропускаетъ... „Исторію Аѳона“ преосв. Порфирія Успенскаго! Зная изъ частныхъ сношеній съ Франкомъ, что онъ высоко ставитъ это сочиненіе и даже собирается издать часть его

въ малорусскомъ переводѣ, я склоненъ видѣть въ его пропускѣ простой недосмотръ, а не умышленное игнорированіе. Нѣкоторыя неудобныя частности изложенія и слишкомъ поспѣшныя заключенія Франка поражаютъ непріятно. „Послѣ 1453-го г., т. е. послѣ завоєванія турками Византіи, судьба Аѳона измѣняется. Турки тутъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, оказались народомъ практическимъ. Они не мѣшались въ дѣла религіозныя, сохранили автопомію монашеской республики, но велѣли платить себѣ за все хорошія подати и притомъ двойныя: съ каждаго монастыря, келіи и пещеры особую, такъ сказать домовую подать, а съ каждаго монаха опять особую—поголовщину“ (стр. 447). Здѣсь мы видимъ незнакомство съ исторіей законовъ собственности у мусульманъ. Не слѣдовало говорить о практичности и изобрѣтательности *турокъ*, потому что упомянутый способъ обложенія податью—изобрѣтеніе вовсе не турецкое. И „хараджъ“ и „джизьетъ“ (такъ называются эти оба рода подати) датируются отъ первыхъ временъ исламскихъ завоєваній, отъ Омара. Нѣсколько дальше, на той же 449-й стр., Франко употребляетъ слово „гарачъ“, но кажется, употребляетъ его безсознательно, не отдавая себѣ отчета въ его точномъ значеніи: изъ связи рѣчи можно думать, что онъ „гарачемъ“ называетъ и поголовную подать. Въ этомъ я вижу сбивчивый полонизмъ и совѣтую Франку уклоняться отъ него, а для обозначенія поземельной подати, взимаемой съ иновѣрцевъ въ мусульманскихъ краяхъ, употреблять съ болѣе правильнымъ произношеніемъ терминъ „хараджъ“. По-польски слово „hagasz“ давно получило смыслъ *всякой* подати вообще, но малороссы теперь совсѣмъ не знаютъ и не понимаютъ слова „гарачъ“, такъ что „хараджъ“, въ смыслѣ очень *опредѣленной* термина, можетъ быть принятъ въ языкъ безъ всякой сбивчивости. Далѣе, сообщая о частомъ странствованіи аѳонскихъ монаховъ на Русь за милостынею, Франко объясняетъ это бродяжничество гнетомъ турецкихъ поборовъ (это, впрочемъ, не его одного мнѣніе). Сваливать причину нищенскаго бродяжничества монаховъ только на желаніе достать денегъ для подати туркамъ—не вполне будетъ правильно. Скитальческую жизнь христіанскихъ восточныхъ мо-

наховъ нужно въ извѣстной степени объяснять также догматическимъ вліяніемъ мусульманскаго дервишества (суфійства), которое достигло въ исламскихъ странахъ неслыханнаго распространенія и колоссальнаго могущества и воздѣйствовало также на христіанство (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“, М. 1895, оттискъ изъ „Трудовъ Императ. Археол. Общ.“). Основываясь на томъ предположеніи, что побѣдки аеонскихъ монаховъ на Русь вызываемы были исключительно желаніемъ собрать себѣ милостыню, Франко находитъ, что нравственнаго воздѣйствія на Русь аеониты произвести не могли. Соображеніе неправильное. Намъ все равно, за деньгами или за чѣмъ другимъ ѣздили аеониты на Русь, довольно того, что они ѣздили, и сношенія Аео-на съ Малороссіей поддерживали, а значить и вліяніе оказывать могли. Притомъ, какъ я ужъ сказалъ, были у аеонитовъ и другія побужденія странствовать, не только меркантильный. Самъ Франко нечаянно подчеркиваетъ и другія причины (стр. 449—450): „Впрочемъ и не изумительно, что аеонскихъ монаховъ принимали у насъ съ радостью, это были частенько свои люди, или приносили вѣсти отъ своихъ людей. Еще съ XIV в. былъ на Аеонѣ спеціальнѣйшій русскій монастырь Руссиконъ; много русиновъ спасалось и по другимъ аеонскимъ монастырямъ, особенно въ сербскихъ и болгарскихъ, какъ Зографскій (Франко пишетъ „Зографу“,—что за странное окончаніе въ малорусскомъ языкѣ!); Павловъ (у Франка: „Паулю“), а также по отдѣльнымъ скитамъ и пещерамъ. Слава святости, которую имѣлъ у насъ Аеонъ, достигла еще временъ св. Антонія Печерскаго, т. е. была какъ бы драгоценнѣйшею частью самой христіанской традиціи въ Малороссіи отъ самаго введенія христіанства. Не удивительно поэтому, что въ 1621-мъ году православные, въ своемъ „Совѣтованіи о благочестіи“, прямо признавали потребность посылать „Россовъ маючихся истинно ко житію добродѣтельному“ на Аеонъ, какъ въ школу духовную“. Могъ ли Франко лучше опровергнуть себя, чѣмъ этими самыми собственными словами? Нужно ли большаго доказательства для нравственнаго воздѣйствія Аео-на на Русь? На стр. 450—452 Франко перечисляетъ рядъ Аеонскихъ ревнителей православія, имѣвшихъ сношенія

съ южной Русью, поддерживавшихъ духъ православія противъ латинства своими сочиненіями, писавшихъ на Русь соборныя посланія (я думаю, что и дѣятельность Мелетія Пига можно съ нѣкоторымъ правомъ отнести на счетъ Аэона), и какъ выводъ изъ этого длинна^{го} перечня у Франка является сужденіе: „Все это труды случайные“ (sic!). Какъ одинъ изъ резоновъ игнорировать аэонское воздѣйствіе на Русь, Франко выставляетъ то соображеніе, что „этого было недостаточно для борьбы съ уніей: понадобилась помощь западной науки, братствъ, козачества и т. п.“. Совершенно вѣрно: „это“ (т. е. аэонское воздѣйствіе) одно, *само по себѣ*, не въ состояніи было остановить успѣховъ католицизма на Руси, тѣмъ не менѣе оно было очень и очень важнымъ оружіемъ и, несомнѣнно, послужило сильной поддержкой для православія въ южной Руси. Изъ того, что аэонская образованность и традиція были *не единственнымъ* орудіемъ борьбы, нельзя еще отрицать ихъ значенія. И то мѣсто „Совѣтованія о благочестіи“ (1621), въ которомъ православные, прибѣгнувшіе ужъ къ помощи западной науки, все-таки видятъ въ Аэонѣ свою школу духовную, лучше всего опровергаетъ Франка.

На стр. 454-й у Франка вдругъ проскальзываетъ необычайная и непонятная любовь къ уніи: „если епархіи львовская и перемышльская почти сто лѣтъ противились уніи, то можно сказать, что именно на тѣ сто лѣтъ опоздало наше развитие“. По всему вѣроятію, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какой-то неточностью языка и стиля: во всѣхъ другихъ мѣстахъ Франко не признаетъ благотѣльныхъ послѣдствій уніи для южнорусскаго народа.

Разыскивая причины, которыя заставили Вышенскаго ревностно приняться за борьбу съ уніей, Франко подчеркиваетъ здѣсь вліяніе александрійскаго патріарха Мелетія Пига („Пигаса“, какъ онъ его называетъ) и сообщаетъ одну очень важную и новую данную: письмо Мелетія на Аэонъ къ Вышенскому отъ 1596 г., въ которомъ патріархъ уговариваетъ монаха оставить Аэонъ и пойти на Русь. Оригиналъ хранится на о—въ Патмосѣ, но Франко, благодаря своей неутомимой энергіи, досталъ-таки него съ копію. Письмо, на стр. 457—459, приводится

по-гречески и сопровождается малорусскимъ переводомъ (Я его, конечно, буду приводить по-русски). Для пущей вѣрности и точности перевода, Франко обратился за содѣйствіемъ къ д-ру Мильковичу. Небезынтересно посмотрѣть, какъ они вдвоемъ справились съ задачей.

Греческаго текста трогать я не стану. Тамъ есть достаточно ошибокъ, но Франко повидимому нарочно издалъ текстъ дословно, безъ всякихъ измѣненій. Малорусскій переводъ я приведу по-русски, цѣликомъ все письмо, причемъ въ скобкахъ буду помѣщать свои замѣчанія и поправки.

„Убѣжалъ и Моисей нѣкогда отъ городскихъ развлеченій („разрывокъ“, διατρίβων, — лучше было бы: „суеты“, „временное прожизненіе“, срв. то же διατρίβων на стр. 458-й, строка 7-ая), а впоследствии случилось такъ, что ушелъ отъ собственнаго потомства (? ὀπερφοῦς) и рода, но поучался (ἐμφοῦτο значить „вникалъ“) Божьимъ заповѣдямъ (ἐμφάσει собств. знач. „намекъ“, „внушенія“, срв. суфійскій мистическій терминъ „ромузъ“), а когда онъ возвратился (по собственному почину, что ли?) и когда самъ Богъ простеръ свою руку надъ Фараономъ, то освободилъ (ἐλευθερώων!) сыновъ израильскихъ изъ неволи египетской“ (Вторая половина фразы переведена невѣрно, а на самомъ дѣлѣ значить она вотъ что: „но вникалъ въ Божьи внушенія, и потому (сочетаніе здѣсь изъяснительное!) онъ возвратился, простирая руку на Фараона, на котораго простеръ руку самъ Богъ, и имѣя цѣль освободить сыновъ израильскихъ“):

„И вотъ самъ онъ подвергъ себя опасности, а бѣды („шкоды“) не было никакой (Франко думаетъ, что ἐβλάβη—сказуемое къ οὐδέν, тогда какъ ἐβλάβη δ'οὐδέν значить: и не потерпѣлъ никакого вреда“, причемъ οὐδέν есть вып. пад. содержанія или отношенія)...; и совершивши чудеса, какъ Богъ (οἷα θεός), вывелъ достойныхъ изъ среды недостойныхъ“. (Переводъ: „какъ Богъ“—можетъ вводить въ заблужденіе: это „какъ“ можетъ придавать отглагольное не сравненія, а причинности. Къ тому же переводъ и не точенъ: слѣдовало бы: „какія совершаетъ Богъ“, потому—что οἷα не нарѣчіе, а опредѣленіе—прилагательное къ τέρατα).

„Пойми эту тайну, сынъ мой (τέχνη—„чадо“) и не оставайся въ пустынь, живя (βιοτεύων значить: „съ цѣлью жить“) только для себя одного, да и то, пожалуй, не вполне довольный. Не порицаю я пустыни (по-гречески въ началѣ фразы стоитъ еще καί, которое можно перевести: „Правда, не порицаю...“ и т. д.), потому-что и самъ я ея сторонникъ, но забота о спасеніи ближнихъ, зову всѣхъ (совсѣмъ не „всѣхъ“, а „тебя“) въ боевые ряды сыновъ Божіихъ. Братьямъ твоимъ, проникнутымъ тою же, что и ты, заботой о святынь, грозитъ опасность отъ поляковъ. (ώδυνες значить побольше, чѣмъ „забота“, а именно: „мученія“, „мучительный страхъ“, собств. даже „родильныя потуги“, но уже у Гомера первоначальное значеніе не разъ теряется. Далѣе: род. пад. τῶν ἱερῶν относится не къ ώδύνων въ придаточномъ предложеніи, а къ κινδυνεύοντι въ главномъ. Παρά Σαυρομάτας не значить „отъ поляковъ“, а „у поляковъ“, „въ Польшѣ“. Такимъ образомъ фраза должна получить слѣдующій видъ: „Братьямъ твоимъ, мучительныя заботы которыхъ общи съ твоими, грозитъ въ Польшѣ опасность потерять святыни“). „Православные въ Польшѣ не получаютъ помощи (?) отъ тѣхъ, которые не заботятся о правдѣ“. (Какую жъ помощь должны были оказывать поляки православнымъ въ борьбѣ съ ними?! Слѣдуетъ перевести: „Православные жители Польши остаются даже безмощными передъ людьми, мыслящими неправо“). „Нашего старанья—мало. (И точнѣе, и правильнѣе былъ бы переводъ: „насъ здѣсь не достаточно“); нужно и вамъ поусердствовать для Бога-Вседержителя. Вѣдь и Ілія-пустынникъ побранилъ (слишкомъ слабое выраженіе; по-греч. ἐλίχρει, ргаес. hist=„изобличил“) Ахаава и избилъ жрецовъ Іезавелиныхъ. Поэтому и мы поучаемъ (по-греч. καί δὴ μανθάνομεν!—„Стало быть, мы знаемъ“), что Ілія, предтеча евангельской благодати, одновременно съ пустынными занятіями (μετὰ τὰς ἐρήδους διατριβάς значить: „^{молит} пустыннаго времяпровожденія“) все таки не переставалъ провозглашать народамъ путь спасенія. (Здѣсь, во-^{молит} ~~1-хъ~~, напрасно добавлено „все таки“, а во-^{затѣмъ} ~~2-хъ~~—оставлено безъ вниманія ἐμφλοχωροῦντα, при которомъ получается переводъ: „отправился въ народъ и про-

возглашалъ путь ко спасенію“)... „и даже не колебался умереть за истину. Вотъ какъ поступаютъ для угожденія Богу! И ты подражай тѣмъ дѣламъ, за которыя желаешь сообща съ другими получить награду (слѣдуетъ: „Подражай дѣламъ *тѣхъ людей*, въ наградѣ которыхъ желаешь участвовать“). Прощай! Въ Александріи. 1596-го года“. (Въ греч. текстѣ вторая цифра γ, т. е. 3. Это опечатка?).

На кого свалить вину за всѣ ошибки перевода? Должно быть, на д-ра Мильковича, къ которому обратился Франко съ просьбою участвовать въ переводѣ!

Въ виду немногочисленности современныхъ свидѣтельствъ о Вышенскомъ, письмо патріарха Мелетія является очень цѣннымъ документомъ. Разсужденія Франка о важности новаго открытія и о слѣдствіяхъ, которыя можно извлечь изъ него (стр. 459—461), заставляютъ забыть о неудачномъ переводѣ. Впрочемъ, всѣ соображенія Франка должны пасть, если гамма въ датѣ не опечатка, а дѣйствительно стоитъ въ оригиналѣ. Возникаетъ подозрѣніе, что письмо датировано не по обычной эрѣ, а по одной изъ другихъ эръ, употреблявшихся въ восточныхъ церквахъ. Не мѣшаетъ также провѣрить и другія цифры въ этой датѣ.

Разсказавши, на основаніи сочиненій Вышенскаго, о его путешествіи въ Малороссію 1605 г., о его недоразумѣніяхъ съ Львовскимъ братствомъ, о его возвращеніи на Аѳонъ и о его окончательномъ затворничествѣ, Франко размышляетъ о годѣ его смерти и не сомнѣвается (даже!), что если бы разсмотрѣть Аѳонскіе памятники, то можно было бы разсчитать годъ смерти Вышенскаго. Ну, я въ томъ очень и очень сомнѣваюсь. Фамилій и прозвищъ въ помянникъ не вписываютъ, а имя „Иванъ“ фигурируетъ на каждой страничкѣ, навѣрно, разъ пять.

На страницѣ 466-й біографія Вышенскаго кончается (дальше слѣдуетъ характеристика). Всего мѣста біографія занимаетъ 48 страницъ (418—466),—при скудости свѣдѣній о Вышенскомъ она должна казаться колоссальной. Но, во ^{116 стр.} 1-хъ, отсюда

нужно исключить страницы, наполненные общими историко-философскими разсужденіями Франка и комментаріями,—страницы очень интересныя и поучительныя (быть можетъ, лучше всего рекомендующія Франка, какъ ученаго), но не имѣющія отношенія собственно къ датамъ жизни Вышенскаго. Затѣмъ нужно исключить тѣ шаткія гипотезы, которыя я постарался подчеркнуть. Послѣ такого вычитанія можетъ обнаружиться, что страницы, составляющія разность, ушли по своимъ результатамъ не очень далеко впередъ отъ той (прекрасной и удачной) статьи Франка, которая была напечатана въ 1889-мъ году. Въ самомъ дѣлѣ: какія новыя данныя представлены Франкомъ теперь? Указано довольно вѣроятное вліяніе кальвиниста-Кровицкаго, перечислены вліявшія на Вышенскаго православныя сочиненія, сообщено письмо патріарха Мелетія Пига,—и только. Все остальное—не дѣйствительныя даты, а многочисленныя гипотезы, въ замѣнъ которыхъ можно выставить другія гипотезы, нисколько не уступающія Франковскимъ. Я такъ и сдѣлалъ, и хотя бы Франко опровергъ мои догадки, онъ этимъ все-таки не защититъ своихъ. Гипотезы—это сущая бѣда Франка, потому что онъ поэтъ: каждая изъ нихъ, разъ она не нарушаетъ законовъ такъ называемой идеальной дѣйствительности, въ мигъ пріобрѣтаетъ для Франка значеніе неоспоримаго факта; на этой гипотезѣ онъ строитъ новую, на той—опять новую, и т. д., а въ результатъ получается не столько ученая біографія Вышенскаго, сколько историческій романъ.

Со страницей 466-й третья часть диссертациі Франка еще не кончается: остальные страницы (466—498) посвящены характеристикѣ проповѣдника. Франко вникаетъ въ произведенія Вышенскаго и находитъ, что они говорятъ къ намъ живымъ, энергичнымъ словомъ и даютъ намъ возможность заглянуть въ душу ихъ автора, оцѣнить и полюбить въ немъ человека, писателя и патріота. Двѣ главныя черты Вышенскаго—живое чувство и фантазія. Чувство у Вышенскаго—гуманное, благородное, деликатное, но не переходитъ въ слезливость, потому что насквозь проникнуто твердой нравственностью (стр. 466—471). По-моему, эта характеристика Вышенскаго не вполне

точна. Что онъ человѣкъ чувства, это правда; что его чувство полно благородства, также правда; но особенной деликатности и мягкости я въ Вышенскомъ не вижу. Наоборотъ, его благородство—угловатое, рѣзкое; разъ онъ сознаетъ, что онъ стоитъ за дѣло правое, онъ ужъ энергично, всей душой отдается борьбѣ и держится нашей народной пословицы: „колы бытысь, дакъ не мырытысь“. Франко для доказательства мягкости Вышенскаго приводитъ тотъ фактъ, что онъ даже самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ называетъ въ спорѣ: „братъ“. Это „братъ“ въ употребленіи Вышенскаго соотвѣтствуетъ „братцу“ въ русской фразѣ: „Что, братецъ! Попался? А вотъ я тебѣ шею на-костыляю!“ Оно соотвѣтствуетъ также „дядюшкѣ“ въ Пушкинской фразѣ: „Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ“. Еще Франко усматриваетъ у Вышенскаго „братское обращеніе съ противниками въ полемикѣ“. Можно подумать, что это горькая иронія! Да развѣ не у Вышенскаго обращенія къ еретикамъ представляютъ собою сплошное ожерелье ругательствъ!! Иногда ругательства принимаютъ у него виѣшній видъ акаѳистовъ!..—Вполнѣ правъ Франко, когда утверждаетъ, что Вышенскій, говоря о бѣдствіяхъ простого народа, обнаруживаетъ самую трогательную чувствительность,—да, вполнѣ правъ Франко! Но и тутъ мы должны нѣсколько умѣрить его восхищеніе: заступаясь за простой народъ, Вышенскій обыкновенно имѣетъ въ виду мѣщанъ, а не „мужыкивъ та паньскихъ пидданныхъ“.—Въ замѣчаніяхъ Франка относительно фантазіи Вышенскаго также можно кое-что оспаривать. Нѣкоторыя черты, которыя диссертантъ считаетъ признаками фантазіи, скорѣе могутъ считаться жалкими потугами ея. Такъ, выраженія: „безотвѣтно перенести на плечѣ терпѣнія“, „отвалить надгробный камень воспоминаній“, „трупъ гордости и невѣрія на средину выволочь и оплакать“ (стр. 471)—всѣ эти цвѣтистыя выраженія отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о живости фантазіи, а наоборотъ—могутъ свидѣтельствовать объ упадкѣ ея. Все это риторическій, готовый фурмулы, извѣзженный, шаблонный и потому мертвый; онѣ и не изобрѣтены Вышенскимъ, а просто заимствованы изъ византійскихъ образцовъ или изъ ихъ русскихъ подражаній.→

Прочі^е замѣчанія Франк^а о живой фантазіи у Вышенск^аго, конечно, вполне основательны; однако то, что мы встрѣчаемъ въ диссертациі на стр. 474—475, высматриваетъ совсѣмъ странно. Франко беретъ нѣкоторыя темы Вышенск^аго и, постаравшись разыграть свои собственны^е варіаціи на каждую, увѣряетъ читателя, что это такъ говоритъ Вышенскій и что, „якъ бачимо“, это свидѣтельствуетъ о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у Вышенск^аго. По-моему, „якъ бачимо“ это свидѣтельствуетъ скорѣе о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у самого Франка. Франко показываетъ намъ, что онъ сказалъ бы, если бы былъ Вышенскимъ. \ Большой недостатокъ у Франка въ разбираемой части характеристики—сухость изложенія. Удачны, хотя также очень сухи, замѣчанія Франка о юморѣ и ироніи Вышенск^аго (у Сумцова все это гораздо лучше). Кажется, впрочемъ, что здѣсь безъ оговорокъ нельзя принять одного примѣчанія Франка на стр. 478: Вышенскій былъ *первый* южнорусскій писатель, который въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ умѣньемъ воспользовался обоюдоострымъ оружіемъ юмора и ироніи“. (Конечно, выраженіе „обоюдоострый“ здѣсь не къ мѣсту, оно вовсе не означаетъ сильной степени, какъ хотѣлъ Франко, а наоборотъ указываетъ, что оружіе можетъ быть обращено противъ самого направляющаго. Ну, да это въ скобкахъ). Сказать: „первый“, быть можетъ, будетъ довольно рискованнымъ. Обличая латынянъ, Вышенскій, вѣроятно, почитывалъ сочиненія своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ. Однимъ изъ первыхъ полемистовъ противъ католицизма былъ у насъ на Руси Θεодосій Печерскій—ужъ и въ его „Словѣ о вѣрѣ латинской, или варяжской“ можно подмѣтить желаніе пользоваться оружіемъ ироніи. Также, послѣ уніатскаго Ліонскаго собора 1274-го года появилась въ Греціи полемическая сатира на Михаила Палеолога; она была переведена и на южно-славянскіе языки, и на русскій. Конечно, она и ей подобны^е сочиненія внесли свою лепту вліянія въ выработкѣ обща^{го} характера православно^й полемической литературы, и напр. Вышенск^аго „Зачапка мудрого латинника зъ русиномъ“ представляетъ много аналогиче-

скихъ чертъ и приѣмовъ съ „Преніемъ Панагіота съ Азимитомъ“ (хотя, б. м., Вышенскій и не читалъ „Пренія“). Я привелъ только два указанія на иронію и юморъ въ церковной полемикѣ, какія сразу пришли мнѣ въ голову, но если бы я былъ специалистомъ по части древнѣйшихъ русскихъ полемическихъ антикатолическихъ сочиненій, то могъ бы, вѣроятно, отмѣтить ихъ гораздо больше, и тогда, быть можетъ, обнаружилось бы, что иронія и юморъ Вышенскаго примыкаютъ къ общимъ чертамъ сичиненій его предшественниковъ.

Заканчивая, затѣмъ, характеристику Вышенскаго, Франко касается его идейной фізіономіи, его убѣжденій религіозныхъ, общественныхъ и поэтическихъ. Замѣчанія Франка интересны по своей сути, но они сухи и потому блѣдны. Религіозныя воззрѣнія Вышенскаго Франко характеризуетъ словами: „это очевидно дуализмъ, и притомъ съ значительной пессимистической окраской“. Проще было бы сказать здѣсь: „спиритуализмъ“; въ примѣненіи къ Вышенскому этотъ терминъ будетъ правильнѣе, чѣмъ „дуализмъ“. Напрасно Франку кажется, что дуализмъ это религія терпѣнія, униженій, тяжкихъ испытаній, что она непременно связана съ ненавистью къ міру, къ тѣлу (стр. 480). Зороастрова дуалистическая религія—религія энергіи, жизни, а аскетизмъ, который возникъ въ Иранѣ во время Сасанидовъ, есть результатъ буддійскаго, прошлаго вліянія. Не безынтересно мнѣніе Франка, будто нынѣшняго пониманія христіанства въ смыслѣ религіи любви не было въ первыя времена христіанства, и будто такое воззрѣніе появилось ужъ гораздо позже, подъ вліяніемъ широкой этики гуманистической. Кажется, достаточно прочесть одно четвертое евангеліе, чтобы убѣдиться въ несостоятельности подобнаго утвержденія. Можно говорить, что средневѣковые послѣдователи христіанства часто *отступали* въ жизни отъ предписаннаго духа любви, но нельзя говорить, что когда-либо любовь не считалась существеннымъ и основнымъ догматомъ христіанства. Франко высказываетъ свое мнѣніе, конечно, голословно. Нѣкотораго рода доказательство принципиальной „нелюбовности“ прежнихъ христіанъ онъ видитъ въ томъ, что они проповѣдывали „смиреніе и простоту“ (стр. 481). Какъ

будто смиреніе и простота несомвѣстимы съ любовью къ ближнимъ! Франко думаетъ, что именно несомвѣстимы. Онъ говоритъ: „Не любить обязанъ праведникъ міръ и людей, но ненавидѣть въ нихъ все, что не относится къ спасенію вѣчному“ (стр. 481) Но вѣдь это со стороны Франка формалистическая игра словами, не больше. „Ненавидѣть въ ближнихъ то, что не относится къ ихъ спасенію“=„ненавидѣть то, что людямъ гибельно“=„любить людей (по своему) и желать имъ добра“. Франко былъ бы правъ, если бы, не отвергая исконнаго принципа любви въ христіанствѣ, указалъ только, что *содержаніе*, а съ нимъ и практическое примѣненіе этого принципа любви въ разные вѣка было разное. Таже формалистическая игра словами сквозить и въ сужденіяхъ Франка объ аскетизмъ; можно оспаривать *цѣлесообразность* аскетизма (самоистязаніе ради міра и непрестанное моленіе и сокрушеніе о мірѣ), но несправедливо будетъ отрицать въ христіанскомъ аскетизмѣ даже самый *мотивъ* любви: вѣдь монахъ думаетъ, что его служба самая полезная для людей. Формалистическая игра словами обнаруживается у Франка также въ злоупотребленіи терминомъ „любовь“: онъ смѣшиваетъ ἀγάπη и έρως.

Въ общественныхъ идеалахъ, во взглядахъ на общественное устройство Вышенскій доходилъ, особенно въ началѣ дѣятельности, просто до нигилизма: онъ отрицалъ общество и требовалъ поголовнаго аскетизма. Только въ послѣдствіи, на недолгое время, онъ сдѣлалъ было значительныя уступки первоначальному принципу. Но слишкомъ рѣшительно и слишкомъ рѣзко заявляетъ Франко, будто даже „взгляда, что основой общественной организаціи является трудъ и рабочіе слои, мы не видимъ у нашего автора *ни слѣда*; онъ знаетъ только одинъ родъ труда—аскетическій подвигъ, а производительный трудъ для него суета“ (стр. 485). Неужели такъ-таки „ни слѣда“? И гдѣ это есть на свѣтѣ такое христіанское монашество, которое всякій трудъ называло бы суетою? Вѣдь, небось, и въ монастырскіе уставы трудъ включенъ? Вѣдь даже затворники что-нибудь работаютъ?

Нѣкоторые уступки во взглядахъ Вышенскаго были имъ сдѣланы, между прочимъ, по отношенію къ школѣ и наукѣ: онъ чувствовалъ, что безъ просвѣщенія слабѣетъ защита православія. Но западную науку, съ ея Платонами и Аристотелями, онъ отвергалъ. „Правда, авторъ нашъ находился здѣсь въ положеніи, довольно похожемъ на то, въ какомъ находился папа Иннокентій III, когда декретировалъ гибель альбигойцамъ, не зная въ точности, каковы были ихъ взгляды и вѣрованія“ (стр. 486). Къ чему здѣсь это сравненіе? Оно вовсе не близкое и дѣла не поясняетъ. Въ смыслѣ политическихъ идеаловъ Вышенскій былъ очень мало развитъ. „Иногда онъ предлагаетъ политическій сепаратизмъ отъ Польши, но сепаратизмъ этотъ долженъ быть какимъ-то пассивнымъ, а о дѣятельномъ противодѣйствіи, о сопротивленіи властямъ, о борьбѣ со „слугами діавола“, до какой дошли нѣкоторые аскетическія секты въ Россіи, у Вышенскаго нѣтъ и помину“ (стр. 487). Франко, какъ видно, смѣшиваетъ аскетизмъ и мистицизмъ. Возникаетъ еще вопросъ: „Почему при своей любви къ малорусскому языку Вышенскій запрещалъ переводить на этотъ языкъ церковныя книги? Не видѣлъ ли онъ въ этомъ профанаціи богослуженія? Не доказываетъ ли это запрещеніе, что онъ все-таки считалъ малорусскій языкъ не вполне достойнымъ?!“. Франко даетъ на все это рядъ отвѣтовъ, изъ которыхъ становится ясно, что Вышенскій вѣдь не могъ порвать связей съ вѣковой церковной традиціей, освятившей церковно-славянскій языкъ, равно какъ не могъ порвать связи съ остальными православными народами, особенно въ такую минуту, когда нужно было разыскивать вездѣ-вездѣ средства для защиты православія; измѣнить богослужебный языкъ и значило порвать объединяющее звено православныхъ народовъ, а сверхъ того простонародный переводъ евангелія могъ грозить даже опасностью чистотѣ православія. Неправильно только уясняетъ себѣ эту опасность Франко: по его мнѣнію переводъ евангелія на простонародный языкъ опаснымъ казался бы потому, что „это было бы подражаніе протестантизму, который, какъ извѣстно, ввелъ языки народныя въ богослуженіе, да и у насъ началъ свою пропаганду переводами священ-

нѣго писанія на языкѣ, довольно близкій къ народному, срв. Скорину, Буднаго, Тяпинское евангеліе, Негалевскаго (стр. 497)¹⁾. Прежде всякихъ споровъ о протестантизмѣ сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе, что Невгалевскаго, не „Негалевскаго“, можно было бы и не помѣщать въ списокъ, потому что его евангеліе очень ужъ позднее: 1681-го года! Далѣе, замѣтимъ, что нужно ставить нѣкоторый знакъ вопроса надъ тѣмъ тезисомъ, будто народный языкъ въ священныхъ книгахъ есть плодъ *только* протестантской пропаганды: онъ систематически сталъ вторгаться въ письменную рѣчь съ самого начала нашей письменности, самъ собою, въ силу естественнаго давленія національности писцовъ, а протестантизмъ могъ только *ускорить* ходъ этого естественнаго, но медленнаго вторженія. Поэтому я не думаю, чтобы у Вышенскаго и его современниковъ народный языкъ священнаго писанія ассоціировался съ представленіемъ о протестантизмѣ¹⁾. Но если бы даже и ассоціировался, то протестантизмъ въ началѣ 17-го вѣка не могъ внушать страха православнымъ: очень ужъ онъ былъ въ то время на Руси слабъ. Переводить священныя книги опасно было не въ виду протестантизма, а въ виду грознаго *католицизма*. Вотъ что говорили тогда: „Прекладаніемъ зъ давнихъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго перевода“ (Житецкій: „Оч. ист. малорусск. нарѣч. въ XVII-XVIII в.“, стр. 3). Эти „помылки“ грозили породить рядъ ересей, грозили внести смятеніе въ ряды защитниковъ православія въ борьбѣ съ католицизмомъ.

Уяснивши себѣ отказъ Вышенскаго ввести южно-русскій языкъ въ священныя книги, намъ предстоитъ еще рѣшить вопросъ: почему же Вышенскій, который признавалъ важность народнаго языка, самъ не писалъ вполне „простою мовою“, а писалъ какой-то хаотической смѣсью, язычемъ? Сперва Франко какъ будто пытается разрѣшить недоумѣніе очень простымъ способомъ: онъ какъ-будто хочетъ отвергнуть или, по

¹⁾ Самъ же Франко на стр. 381-й говорилъ, что православные ввели народный языкъ въ церковь для отпора протестантизму: значитъ, не боялись, что такой языкъ обратитъ ихъ въ протестантовъ!

крайней мѣрѣ, затушевать фактъ, что у Вышенскаго рѣчь не простонародная. Онъ заявляетъ, что сочиненія Вышенскаго прекрасный матеріалъ для изученія живой малорусской рѣчи 16-17 вв., потому-что (сдр. 492) „въ дѣлѣ языка Вышенскій былъ менѣе всего зависимъ отъ какихъ-нибудь теорій, а руководился живымъ чувствомъ . . . Да и откуда онъ могъ набраться филологическихъ теорій, онъ, мало ученый въ школахъ?“. (Раньше какъ мы видѣли, Франко, желая поселить Вышенскаго при дворѣ князя Острожскаго, старался было поднять уровень его образованія). Но дальше Франко принужденъ сознаться, что на практикѣ Вышенскій нѣсколько отступалъ отъ выраженнаго имъ принципа. Причина заключается въ томъ, что даже маленькая школа какъ-ни-какъ, а все же должна была внушить ему извѣстныя стилистическія теоріи и приучить къ мысли, что совсѣмъ безъ славянскихъ элементовъ письменная рѣчь невозможна; позднѣйшее чтеніе книгъ и борьба съ латынниками, издѣвавшимися надъ славянскимъ языкомъ, еще болѣе укрѣпили Вышенскаго въ этой теоріи. Къ этимъ соображеніямъ я бы добавилъ (и считаю это важнымъ), что жизнь на Аѳонѣ, вдали отъ родины, также должна была имѣть вліяніе на стиль рѣчи Вышенскаго.

Въ особенно детальный разборъ лексическаго и этимологическаго состава литературной рѣчи Вышенскаго Франко не вдается теперь, обѣщая возвратиться къ этому предмету впоследствии: очевидно, при второмъ изданіи своей диссертациі. Все-таки и теперь можно подмѣтить, что его представленія о ходѣ историческаго развитія народныхъ элементовъ въ южно-русскомъ языкѣ стоятъ на срединѣ между взглядами П. И. Житецкаго и его критика Кочубинскаго, который отрицаетъ внезапное вторженіе народнаго малорусскаго элемента въ литературную рѣчь 16-го вѣка подъ вліяніемъ реформатскимъ, а усматриваетъ здѣсь плодъ дѣйствія постепенной и непрерывной исторической традиціи.

Разставаясь съ третьей частью диссертациі Франка, которую я разсматривалъ не всю, а только въ слабыхъ или не вполне развитыхъ или недоговоренныхъ частяхъ ея, я хочу остановиться на нѣсколькихъ прекрасныхъ страницахъ той же третьей части,

увлекательныхъ и прочувствованныхъ. Начинаются онѣ, впрочемъ, вовсе не прекрасно. Франко хочетъ выяснитъ вопросъ, почему Вышенскій, такъ охотно воскрешенный въ XIX вѣкѣ, былъ легко забытъ въ XVII вѣкѣ, а вотъ на *первомъ мѣстѣ* (!) Франко указываетъ какъ причину забвенія то обстоятельство, внѣшнее и случайное, что Вышенскій „имѣлъ особенный даръ оттолкнуть отъ себя всякаго мецената“ (стр. 490)! Доводъ слишкомъ слабый, чтобы выставлять его на первое мѣсто, а притомъ и сомнительный: письмо Вышенскаго къ князю Михаилу Вишневецкому (Арх. Ю.-З. Р., VII, 37) лучше всего опровергаетъ Франка, да и посланіе къ князю Острожскому содержитъ въ себѣ комплименты по адресу князя. На *второмъ мѣстѣ* (только на второмъ!) Франко выставляетъ какъ причину забвенія Вышенскаго то обстоятельство (второстепенное??), что южно-русская жизнь пошла другимъ путемъ: аскетическіе идеалы Вышенскаго оказались непригодными, и хотя его методъ (искать защиты вѣры у простого народа и обращаться къ нему на родномъ языкѣ) былъ усвоенъ и разработанъ послѣдующими поколѣніями, но самого-то автора—забыли; все это гораздо лучше и обстоятельнѣе было изложено Франкомъ въ его прежней статьѣ („Кіевск. Стар.“, 1889, апр.), чѣмъ въ нынѣшней диссертаци. + „Но“,—продолжаетъ Франко,—въ наше время Вышенскій вновь обрѣтаетъ; и это не простой случай, что именно ему посвящается столько спеціальныхъ трудовъ въ наше время, алчущее и жаждающее высокаго идеала нравственнаго и общественнаго, среди современнаго поколѣнія, которое желало бы вырваться изъ ученой пыли и изъ горячки переутомленныхъ и разстроенныхъ нервовъ на вольный свѣтъ, въ свѣжую, здоровую атмосферу, къ людямъ сильнымъ по характеру, общественнымъ по природѣ, способнымъ къ сильной любви и къ сильной ненависти, энергичнымъ и рѣшительнымъ въ добрѣ или злѣ. Намъ, измельчавшимъ эпигонамъ, дороги такіе люди, какъ образчикъ болѣе сильной, болѣе здоровой породы. Мы видимъ ихъ недостатки и ошибки, но въ то же время чувствуемъ въ нихъ силу и энергію, которая насъ освѣжаетъ, словно лѣтомъ въ страдную пору студлая вода. И какъ писатель, Вышенскій является намъ фигу-

рой необычайной, сильной, а въ сравненіи съ другими современными малорусскими писателями—оригинальной. Особенно привлекаетъ насъ свѣжесть его красокъ, непосредственность выраженія и чувства, пластика картинъ, однимъ словомъ все то, что въ письменныхъ произведеніяхъ есть выраженіе сильной, высоко симпатичной индивидуальности автора. Не полемистъ, не догматикъ и не мыслитель, но человекъ, моралистъ и поэтъ, Вышенскій цѣненъ и симпатиченъ для насъ, и, какъ таковой, онъ всегда будетъ занимать почетное мѣсто въ южно-русской литературѣ, тѣмъ болѣе почетное, что онъ—одинъ изъ отцовъ и творцовъ народной южно-русской литературы“ (стр. 493). Можно было бы возразить кое-что противъ достоинства „сильной ненависти“ и „рѣшительности въ добръ или злѣ“, но жаль ослаблять впечатлѣніе этого горячаго лирическаго мѣста, и потому: „Амины!“— скажемъ мы.

А. Брыжскій.

(~~Окончаніе слѣдующаго~~)

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Окончаніе¹⁾).

Теперь перехожу ко 2-й части Франковского сочиненія: разбору произведеній Вышенскаго въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Эта часть—самая капитальная въ книгѣ Франка, и по содержанію, и по объему. [Но я положительно не понимаю, что заставило Франка помѣстить ее раньше, а не послѣ біографіи Вышенскаго.

Вѣдь какую цѣль преслѣдовалъ Франко, работая надъ 2-й частью своей диссертациі?—Онъ хотѣлъ установить хронологическую послѣдовательность произведеній Вышенскаго.—Хорошо. Но зачѣмъ ему это?—Затѣмъ, что, установивши хронологію произведеній Вышенскаго, мы можемъ наблюдать, какъ постепенно формируется духовный обликъ писателя,—можемъ установить „внутришнюю діалектику развою“.—Цѣль благая. Но какими же средствами мы опредѣлимъ дату составленія того или другого сочиненія писателя?—Посторонними свидѣтельствами да намеками, заключенными въ сочиненіяхъ самого писателя, на извѣстные историческіе факты, на какія-нибудь печатныя книги и т. п. Франко обыкновенно такимъ способомъ и опредѣляетъ хронологію сочиненій Вышенскаго; но когда постороннихъ свидѣтельствъ и т. п., осязательныхъ данныхъ у него не хватаетъ, онъ бросается въ логическій кругъ, дѣйствуя слѣдующимъ при-

¹⁾ См. „Кіев. Стар“. 1895 г., № 9.

ею: произвольно, силою собственной фантазии, онъ начертываетъ себѣ тотъ путь или программу, по которому въ теченіе многихъ лѣтъ шли и развивались убѣжденія Вышенскаго, и вотъ затѣмъ на основаніи своего заранѣе сдѣланнаго психическаго построенія (не достовѣрнаго, а только въ лучшемъ случаѣ вѣроятнаго) онъ ужъ легко назначаетъ дату составленія для того или другого памятника;— „такое-то произведеніе“, говоритъ онъ, „не соотвѣтствуетъ (придуманному мной) настроенію Вышенскаго въ такіе-то годы его жизни,—оно соотвѣтствуетъ настроенію такого-то болѣе ранняго періода“. Потомъ, въ 3-й части диссертациі, Франку приходится дать намъ біографію Вышенскаго и его характеристику (т. е. біографію его мысли): и вотъ здѣсь Франко исполняетъ предложенную задачу, опираясь на ту послѣдовательность всѣхъ произведеній Вышенскаго, какую установилъ во 2-й части. Конечно, въ результатѣ получается въ 3-й части какъ разъ тотъ обликъ Вышенскаго и какъ разъ то движеніе его идеаловъ, какое Франко придумалъ раньше, во 2-й части, но вѣдь это—опредѣленіе неизвѣстнаго посредствомъ неизвѣстнаго же: вторая часть строится на основаніи третьей, а третья на основаніи второй! Это крупная логическая ошибка со стороны Франка; изъ-за нея 3-я часть диссертациі (біографія и характеристика Вышенскаго) лишилась надлежащей цѣнности, и потому-то я не считалъ нужнымъ держаться при разборѣ диссертациі того порядка, котораго держится авторъ: я разобралъ сначала 3-ю часть, а ужъ потомъ перехожу ко 2-ой.

Не смотря на ея громадный объемъ (стр. 77—416), мнѣ придется о ней сказать сравнительно гораздо меньше, чѣмъ о третьей части, такъ какъ она спорныхъ и невыясненныхъ пунктовъ представляетъ гораздо меньше, а вѣдь я только ихъ и касаюсь.

Попытка разсортировать сочиненія Вышенскаго хронологически ужъ была сдѣлана и до Франка И. П. Житецкимъ (въ „Кіевск. Стар.“ 1890, іюнь). Франко увѣряетъ, что таблица Житецкаго „зовсімъ арбитральна“ и ничѣмъ не мотивирована. Ну, на счетъ *полнѣйшаго* отсутствія мотивировки у Житецкаго говорить нельзя: у Житецкаго такъ же, какъ и у

Франка, она есть, хотя, конечно, у Франка она несравненно обстоятельнѣе и резоннѣе. Причемъ, если мы соличимъ таблицу Франка съ таблицей Житецкаго, то увидимъ, что въ сути-то онѣ обѣ очень близки между собою. Главныя произведенія Вышенскаго, дату составленія которыхъ можно опредѣлить съ несомнѣнной точностью, очевидно помѣщены обоими изслѣдователями на одинаковомъ мѣстѣ; разногласіе касается преимущественно тѣхъ сочиненій, дата которыхъ опредѣляется путемъ психологіи,—но извѣстно, какой это шаткій и невѣрный путь—психологія.

Всѣхъ сочиненій Вышенскаго дошло до насъ восемнадцать. Разсмотримъ ихъ въ томъ же порядкѣ, что и Франко.

№ 1. *Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама* (стр. 79). Это сочиненіе Франко помѣщаетъ между 1576—1580 гг. Оправдывается пословица, что первый блинъ комомъ. На „Новинѣ“ даты никакой нѣтъ. Что это за Варлаамъ, архіепископъ Охридскій, и когда онъ жилъ, мы также ничего не знаемъ. По мнѣнію Франка, заглавіе „Новина“ указываетъ на то, что сочиненіе написано вскорѣ послѣ убіенія Варлаама (такимъ образомъ, вмѣсто двухъ неизвѣстныхъ у насъ было-бы только одно). Но вѣдь „новина“ можетъ означать просто „novella“, т. е. повѣсть (въ другомъ мѣстѣ на стр. 230, объ этомъ говоритъ и самъ Франко), и т. о. заглавіе это не указываетъ на какую-то недавнюю новость. Упустивши изъ виду это обстоятельство, Франко ищетъ Варлаама въ спискѣ архіепископовъ Охридскихъ конца 16-го вѣка. На томъ основаніи, что объ архіепископахъ Охридскихъ, бывшихъ между 1574—1580 годамъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, Франко догадывается, что въ это время былъ здѣсь владыкою Варлаамъ. А Голубинскій („Кратк. оч. исторіи правосл. церкви болг., серб. и румынской“ М. 1871) предполагаетъ, что тогда архіепископъ былъ въ Охридѣ Гавріилъ! Повѣримъ однако не Голубинскому, а Франку, повѣримъ для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшій ходъ его доказательствъ. Сперва зададимъ вопросъ: въ какой-же именно изъ годовъ 1574—1580 Варлаамъ сталъ архіепископомъ въ Охридѣ? Франко избѣгаетъ дать точный отвѣтъ на

это и, вмѣсто того, предлагаетъ намъ новую гипотезу, что архіепископство Варлаамово длилось очень недолго: вскорѣ, *отрочно* его прогнали съ наводры. Хотя и на это Франко не представляетъ никакихъ доказательствъ, но я опять постараюсь повѣрить ему, чтобы опять предложить вопросъ: но *когда же именно* его прогнали? вѣдь если вдругъ окажется, что онъ былъ прогнанъ какъ разъ около 1581-го года, то Франко никакъ не распутается среди сложныхъ узловъ своихъ предположеній. Дѣло вотъ въ чемъ. По „Новинѣ“, Варлаамъ изъ Охриды отправился еще въ Велесъ, и ужъ тамъ его убили; при этомъ мы не знаемъ, долго ли онъ тамъ прожилъ, вскорѣ ли его убили послѣ его прихода въ Велесъ, или спустя очень долгое время. Франко наудачу считаетъ нужнымъ предположить, что вскорѣ. Ничто намъ не ручается, что какой-нибудь новооткрытый документъ не возвѣститъ намъ о цѣлыхъ десяти-двадцати годахъ безмятежнаго пребыванія Варлаама въ Велесѣ, но повѣримъ-те опять Франку и посмотримъ, что будетъ дальше. „Новина“ ясно говоритъ, что послѣ убіенія Варлаама прошелъ цѣлый еще годъ, пока тѣло его стало творить чудеса („Кіевск. Стар.“ 1890, іюнь, прилож. стр. 117). Если Варлаамъ ушелъ изъ Охриды въ 1581-мъ году, то чудеса могутъ относиться не ранѣе, какъ къ 1582-му году. Потомъ начались переговоры съ турецкими кадыями касательно перенесенія мощей Варлаама въ Охриду, продолжались они также нѣкое время... Нѣтъ! Франку ни за что не удастся пріурочить водвореніе мощей Варлаама въ Охридѣ къ 1578-му году, т. е. къ тому времени, когда Вышенскій, по расчету Франка (въ 3-й части диссертациі) поѣхалъ на Аѳонъ и проѣзжалъ черезъ Охриду. Не стоило и нагромождать кучу гипотезъ на гипотезѣ! не стоило понапрасну дискредитировать себя въ глазахъ читателя!—Вспомнить нужно, что ради той-же „Новины“ Франку пришлось сдѣлать еще одну гипотезу, просто чудовищную: онъ, какъ я ужъ упоминалъ, погналъ Вышенскаго на Аѳонъ какой-то курьезной дорогой,—лишь бы привести его въ Охриду!—Между тѣмъ оказывается, что изъ-за такого произведенія, какъ „Новина“, не стоило и вовсе хлопотать да входить въ неудобныя сдѣлки съ логикой:

вѣдь „Новина“ Вышенскимъ не составлена (онъ даже не подписалъ своего имени подъ ней), а просто переписана. Кое-что о „Новинѣ“ сказано у Голубева въ „Объяснительныхъ параграфахъ по ист. зап.-русс. церкви“ (К. 1893, стр. 40). Голубевъ находитъ, что авторскія права Іоанна Вышенскаго по отношенію къ упомянутому произведенію, „кажется, должны быть значительно ограничены“.—„Мы думаемъ“, продолжаетъ Голубевъ, что Новина есть ничто иное, какъ сдѣланное Вышенскимъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго, въ то время ходившаго по рукамъ житія и прославленія архіепископа Варлаама. Что это произведеніе въ существенныхъ чертахъ принадлежитъ не Вышенскому,—достаточно указать на слогъ его (не исключая конечныхъ строкъ); что это именно извлеченіе изъ болѣе подробнаго житія,—достаточно привести начальную строку Новины: „По убіеніи *убо* и вверженіи въ рѣку Вардаръ блаженнаго *онаго* отца и проч.“ Не понятно, почему Голубевъ осторожно добавляетъ: „кажется“. Стоитъ бросить даже бѣглый взглядъ на „Новину“, чтобы увидѣть въ ней слогъ не Вышенскаго: здѣсь смѣсь церковно-славянщины и новоболгарщины. И Франко сознаетъ оба эти элемента, но видитъ въ нихъ только вящее подтвержденіе для своей догадки о 1576—1580 годѣ. Коснемся сперва новоболгарскихъ элементовъ. Ихъ присутствіе Франко толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Вышенскій написалъ свою „Новину“ по устнымъ рассказамъ Охридянъ. А по моему мнѣнію, это естественно свидѣтельствуетъ только о томъ, что „Новину“ или пространное „Житіе Варлаама“, составлялъ болгаринъ, м. б., одинъ изъ жителей Охриды. Франко, впрочемъ, не позаботился о томъ, чтобы представить читателю образцы новоболгаризмовъ, встрѣчающихся въ „Новинѣ“: всѣ приведенные имъ примѣры (кроме одного) вовсе не идутъ къ дѣлу. Вотъ тѣ „новоболгарскія слова и формы, которыя не употреблялись на Руси“, по словамъ Франка (стр. 82):

„*Шмиц*—perturbatio“. Возражу на это, что въ сѣвернорусскомъ прологѣ подъ 12-мъ февраля мы читаемъ. „Даде ему царь ярлыкъ свой, да свободно отъ всѣхъ плещей и попеченій клирицы и монахи живутъ“ (Дѣтоп. Русск. Литер.“ кн. 6-ая стр. 64).

На немъ же видъ птиць бълз—тутъ есть и слово *птиць* (вм. *птица*) не русское и не церковно-славянское, и несклоняемый винительный, свойственный новому болгарскому языку.— Что касается такихъ формъ, какъ „птиць“, „птичиць“¹⁾, „львиць“, „козлиць“ и т. п., то это вполне обычная форма прежней литературной рѣчи всѣхъ православныхъ славянъ. Срв. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и мало извѣстныхъ памятникахъ“ 1879, стр. 51. Кажется, что древне-русское „птичь“, встрѣчаемое въ Словѣ о Полку Игоревѣ, должно быть отнесено сюда же (говорю: „кажется“, потому-что существуетъ и иное объясненіе). А „несклоняемый винительный“ („птиць бълз“), какъ его называетъ Франко, вовсе не представляетъ собой новоболгарскаго т. н. „косвенника“: это обыкновенный винительный падежъ мужск. р. ероваго склоненія, который въ церковно-славянскомъ, и въ живомъ древне-русскомъ языкѣ былъ всегда сходенъ съ именительнымъ падежомъ, даже для предметовъ одушевленныхъ.

„Въ образъ орла—вм. въ образѣ орла“.—Въ чемъ же здѣсь новоболгаризмъ? Можно здѣсь усмотрѣть латинизмъ, грецизмъ, но только не новоболгаризмъ.

„Вноситъ въ село то тайно—употребленъ болгарскій членъ“. Единственный правильно приведенный примѣръ.

„Сирамахъ—слово болгарское“. А малорусское „сиромеха“?!

Больше примѣровъ на новоболгаризмы у Франка нѣтъ. Обратимся теперь къ церковно-славянскимъ примѣсамъ „Новины“. Ихъ присутствіе заставляетъ Франка отнести „Новину“ къ числу самыхъ первыхъ, раннихъ произведеній Вышенскаго: „это стиль и языкъ невыработанные, шаблонные, не похожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній нашего автора (стр. 81)“. Странное представленіе о постепенной выработкѣ языка у древнихъ русскихъ литераторовъ! Неужели Вышенскій вначалѣ, только-что вышедши изъ міра, выражался съ большей примѣсью церковно-славянскихъ словъ и выраженій, чѣмъ

¹⁾ Въ той же „Новинѣ“ есть и „птичиць“, но въ изданіи Игн. Житенскаго стоитъ „птичиць“ (стр. 11). Повидимому, это ошибка типографшица, а не издателя.

потомъ, поживши на Аeonѣ и занявшись специально духовнымъ чтеніемъ? Вторая половина замѣчанія Франка („непохожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній“) также не правильна. Конечно, Вышенскій не научился писать настоящей церковно-славянщиной, его языкъ всегда оставался довольно живымъ, но у него есть одно произведеніе, гдѣ встрѣчается на нѣсколькихъ страницахъ такой же тяжелый стиль и языкъ, какъ и въ „Новинѣ“: я говорю о „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ“ (Порфирій: „Востокъ Христіанскій“, прилож., стр. 1043 и сл.). Цѣлое посланіе—одно изъ наиболѣе живыхъ, но вставленный въ него рассказъ о чудѣ во времена Михаила Палеолога изложенъ старославянскимъ языкомъ. И я думаю, что это сходство съ „Новиною“—не случайное. Вышенскій тогда имѣлъ наклонность популяризовать православныя болѣе новыя чудеса (срв. дисс. Франка, стр. 229), и мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что переписка „Новины“ имѣла мѣсто около того же времени, когда составлено „Писаніе къ епископомъ“, т. е. приблизительно около 1598-го года. Въ собственноручномъ спискѣ своихъ произведеній Вышенскій помѣстилъ „Новину“ на послѣднемъ мѣстѣ („Кіев. Стар.“ 1889, апр., прилож., стр. 28). Напрасно Франко отказывается видѣть въ этомъ спискѣ полнѣйшее отсутствіе хронологической послѣдовательности.

№ 2. *Слѣдъ къ постыженію и изученію художества, приводящаго къ вѣчной правдѣ* (стр. 87—88). Что думаетъ объ этомъ произведеніи Франко, я скажу послѣ, а сперва посмотрю самъ, что такое представляетъ собою этотъ „Слѣдъ“. Первая его половина содержитъ исчисленіе шести правилъ, соблюденіе которыхъ приводитъ человѣка ко блаженству; а во второй половинѣ сказано, что всѣ иные пути къ блаженству не годны, и потому жестоко заблуждаются латынники, полагаясь на свои „внѣшнія ученія“, „философскія киченія“, „грамматичку“ и „риторичку“. Правила, преподаваемыя Вышенскимъ (см. текстъ въ „Кіев. Стар.“ 1889, апр., прил., стр. 114—115), предназначаются не для однихъ монаховъ, но вообще для всѣхъ православныхъ христіанъ. А послѣднее изъ нихъ (шестое)—иди смѣ-

лѣе въ борьбу съ неправдою, не боясь никакихъ мученій и смерти,—касаться монаховъ даже не можетъ: они вѣдь отщепились отъ міра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это произведеніе составлено Вышенскимъ для православныхъ русиновъ съ тою цѣлю, чтобы поддержать ихъ мужество въ борьбѣ за вѣру и предложить имъ вмѣсто „грамматичекъ и рыторичекъ“ какое-нибудь другое руководство. (Такую цѣль Вышенскій не разъ преслѣдовалъ). Когда же составленъ этотъ „Слѣдъ“? Конечно, сразу ясно, что составленъ онъ въ разгаръ борьбы съ латинствомъ. Но когда именно? Голубевъ („Объяснит. параграфы и т. д.) считаетъ „Слѣдъ“ за приложеніе къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, но доказательствъ и мотивировки не приводитъ вовсе. Положимъ, „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ писалось Вышенскимъ въ опасную для православія минуту, послѣ попытки ввести въ православную церковь латинскій календарь, такъ-что шестое правило „Слѣда“ ужъ имѣло бы тогда нѣкоторый смыслъ; самое мѣсто, которое занимаетъ „Слѣдъ“ въ собственномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, позволяетъ думать, что „Слѣдъ“ могъ быть приложеніемъ къ „Извѣщенію“. Но мнѣ все таки кажется, что эпоха введенія католическаго календаря (т. е. конецъ 80-хъ годовъ XVI в.) не была еще такимъ грознымъ временемъ для православія, чтобы рѣчь шла даже о смерти за вѣру ¹⁾. Я болѣе склоненъ думать, что Вышенскій говорить въ „Слѣдѣ“ о болѣе позднемъ времени: послѣ введенія уніи. И точнѣе могу сказать: „Слѣдъ“, должно быть, написанъ въ одно время съ „Зачапкой“. Въ „Зачапкѣ“ восхваляется греческая вѣра, давшая Руси „слѣдъ, ведущій въ животъ“ (срав. заглавіе разбираемаго произведенія); см. текстъ „Зачапки“ въ изданіи Голубева, стр. 92. Далѣе въ „Зачапкѣ“ говорится, что истинная церковь должна страдать, и *сейчасъ-же* затѣмъ говорится, что проклята та церковь, гдѣ вмѣсто евангелія—поганская наука („Зач.“, ст. 102): тотъ же порядокъ мыслей, что и въ „Слѣдѣ“! Западная наука называется въ „За-

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ я соглашаюсь съ Франкомъ, который, при разборѣ „Извѣщенія“, прекрасно доказалъ, что нельзя переносить польскихъ порядковъ 17-го вѣка въ 16-й вѣкъ, до введенія уніи.

чапкѣ“ надворной, т. е. внѣшней: въ „Слѣдѣ“ нападки на „внѣшнія ученія“. Въ „Зачапкѣ“ Вышенскій возстаётъ противъ „живое діалектики“, „велерѣчивое рыторики“, философіи: чуть ли не тѣ же слова, что и въ „Слѣдѣ“. По моему, есть достаточно добрыхъ основаній—предположить, что „Слѣдѣ“ составляетъ или введеніе, или приложение къ „Зачапкѣ“, и, значить, написанъ около того же 1607-го года. Не есть ли эта одна изъ трехъ „цвѣточекъ“, упоминаемыхъ въ „Зачапкѣ“? ¹⁾ Можетъ быть, это—предисловіе къ „Древу“?

Во всемъ вышесказанномъ найдется, конечно, кое-что гипотетическое, и я далекъ отъ мысли укорять Франка, что онъ не додумался до тѣхъ же гипотезъ, до какихъ я. Но Франко заслуживаетъ укора за другое: отъ его вниманія ускользнули вполне реальныя, ощутительныя данныя,—и во всемъ виновата его страсть дѣлать психологическія построенія! *Показалось* ему, что „Слѣдѣ“ излагаетъ главные принципы жизни *монашеской*,—и вотъ сейчасъ же фантазія нарисовала ему картину: Вышенскій недавно пришелъ на Аѳонъ; онъ начинаетъ втягиваться въ мѣстную аскетическую жизнь; онъ почитываетъ различныя сочиненія святыхъ подвижниковъ и размышляетъ о сути иноческаго житія; для лучшаго запоминанія онъ составляетъ себѣ конспектъ главныхъ принциповъ аскетизма. Зачѣмъ къ этому же краткому конспекту Вышенскій присоединяетъ полемическую выходку противъ грамматики и реторики (о которыхъ, къ слову сказать, онъ въ мірѣ врядъ ли имѣлъ много свѣдѣній), Франко не объясняетъ, да этотъ вопросъ его и не интересуетъ... Я ужъ показалъ выше, что „Слѣдѣ“ писанъ Вышенскимъ не для себя, а для другихъ, т. е. что это не лирическое изліяніе, а поучительное посланіе. Но если бъ мы даже согласились на ми-

¹⁾ Отправляя „Зачапку“ на Русь, Вышенскій написалъ, что одновременно онъ посылаетъ для земляковъ „три цвѣточка“: 1) Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть; 3) Маленьку пѣсеньку церковную, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ („Зач.“, изд. Голубевымъ, стр. 74). Всѣ три эти сочиненія не отысканы.

нута съ невозможнымъ заявленіемъ Франка, что „Слѣдъ“—это конспектъ, и задались вопросомъ о времени его составленія, то все таки мы могли бы прийти къ иному выводу, чѣмъ Франко. Въ самомъ дѣлѣ: почему это монахъ, по мнѣнію Франка, можетъ писать конспектъ своихъ обязанностей только въ первое время своего поступленія въ монастырь?? Вѣдь ничто не препятствуетъ намъ нарисовать себѣ такую картину: проповѣдникъ Вышенскій оскорбленъ нападками противниковъ на его мнимую трусость и неученость (упреки въ трусости мы встрѣчаемъ около 1598-го года, и они затрагивали Вышенскаго за живое), онъ рѣшаетъ пристыдить противниковъ и посылаетъ на Русь „Слѣдъ“, какъ девизъ своей готовности умереть за правду, и сюда же присоединяетъ замѣчаніе по адресу „грамматичекъ“ и „риторичекъ“. Недурна также слѣдующая картина: сначала у Вышенскаго, дѣйствительно, не было гражданской доблести; ему это непріятно; чтобы возбудить себя къ мужеству, онъ составляетъ для себя конспектъ своихъ обязанностей; происходитъ это, положимъ, въ первыхъ годахъ 17-го вѣка. При извѣстной живости фантазіи не можетъ быть недостатка и за многими другими картинами, построенными на основаніи психологическихъ догадокъ; всѣ онѣ будутъ столь же основательны (или, если угодно, столь же безпочвенны), какъ и Франковская.

№ 3. *Обличеніе діавола міродержца* (стр. 90—99). Франко относитъ это сочиненіе къ началу 80-хъ годовъ XVI-го в., т. е. къ тому моменту, когда Іоаннъ стоялъ на рубежѣ міра и отреченія отъ міра. Основанія—опять психологическія, и на этотъ разъ они изложены до того поэтически-соблазнительно и до того увлекательно, что читателя (по крайней мѣрѣ меня) они подкупаютъ; мнѣ положительно жалко поднимать грубую, критическую руку на граціозное сооруженіе Франка. Вотъ что онъ пишетъ: „Это сочиненіе насквозь проникнуто горячимъ чувствомъ, оно—какъ бы исповѣдь самого автора, но высказанная въ поэтической, общей формѣ. Я вижу здѣсь результатъ той внутренней борьбы, какую естественно долженъ былъ испытать живой и пылкій умъ нашего автора при рѣзкомъ переходѣ отъ жизни мірской къ жизни аскетическо-монашеской. Среди тишины и уединенія Аѳона

предъ нимъ возникали искушенія и соблазны свѣтской жизни, возникали картины всего того, что онъ пережилъ и покинулъ, раздавались, б. м., голоса дорогихъ ему людей, призывая его къ общему труду, къ взаимной помощи. Но, должно быть, великую чашу разочарованій, горечи и боли вынесъ изъ жизни этотъ человѣкъ, если теперь съ глубокою ненавистью отворачивается отъ всего этого и видитъ въ этомъ дѣло діавола, сѣти, уловляющія на гибель вѣчную... Въ его душѣ еще идетъ борьба: остаться ли ему на Аѳонѣ, или возвратиться къ той жизни, гдѣ его могли прельщать если не высокія „дикгнитарства и преложенства“, то по крайней мѣрѣ тихое житіе въ семейномъ кругу. Но онъ освѣщаетъ всѣ эти картины бенгальскимъ огнемъ аскетическихъ доктринъ,—и участь его рѣшена безповоротно“ (стр. 91).

Прочитавши эти строки, я сталъ искать, нѣтъ ли доказательства, подтверждающихъ мнѣніе Франка. Подыскалось только одно: въ „Терминѣ“, т. е. собственноручномъ перечнѣ Вышенскаго, „Обличеніе на діавола“ помѣщено на первомъ мѣстѣ, какъ бы наиболѣе раннее произведеніе. Но противъ этого выступаетъ соображеніе, что „Обличеніе“ помѣщено Вышенскимъ въ началѣ сборника только какъ характерное *предисловіе* ко всему сборнику, а написано могло быть даже позже всѣхъ произведеній. Самъ же Франко приводитъ два слѣдующія доказательства: 1) „Здѣсь Вышенскій называетъ себя Голякомъ Странникомъ, какимъ онъ былъ, недавно пришедши на Аѳонъ“ (стр. 93). Но вѣдь и „голякъ“ (суф. „факиръ“), и „странникъ“ (суф. „саликъ“ ξένος)—это мистическіе термины. Терминъ „странникъ“ указываетъ, что аскетъ неуклонно стремится впередъ по пути къ полному отреченію отъ своей личности, но еще не успѣлъ въ этомъ окончательно; дѣло понятное—„странникомъ“ мистикъ можетъ оставаться долгіе годы, даже до самой смерти. Въ „Посланіи къ старицѣ Домнікии“, писанномъ уже въ 1606-мъ году, Вышенскій опять называетъ себя „странникомъ“. Почему же Франко не захотѣлъ „Обличенія“ отнести къ тому же 1606-му году, или „Посланія“—къ 1580-му? 2) Второе соображеніе Франка: Что „Обличеніе“ составлено рано, видно изъ того, что

вся концепція цього произведенія—насквозь лирическая, без всякаго поученія для другихъ, безъ всякихъ выводовъ для общества. Автора интересуєть только психологическій процессъ внутри его самого, и онъ изливаєть его на бумагѣ. Это—не посланіе и не поученіе для другихъ,—онъ самъ еще проходитъ тяжелую внутреннюю школу (стр. 93—94)“. Дальше мы увидимъ, что и это не вѣрно: „Обличеніе“—посланіе къ другимъ.

По моему мнѣнію, „Обличеніе“ составлено не ранѣе 1596-го года. Конечно, Франко возмутится и потребуетъ, чтобы я попытался *психологически* объяснить, почему это Іоаннъ такъ лирически обличалъ діавола не въ началѣ монашеской жизни, а гораздо позже, когда вопросъ о его судьбѣ былъ окончательно рѣшенъ. Признаюсь, что я затрудненій не испытаю: маленькая живость фантазіи—и, повторяю, за психологическими построєніями дѣло не станетъ.—„Какъ пылкая, нервная натура“, скажу я (понимая „Обличеніе“ въ томъ смыслѣ, какъ Франко), „Вышенскій сперва горячо и ревностно, ни о чемъ не задумываясь и не сомнѣваясь, предался аскетическимъ подвигамъ и самоизнуренію. Но проходили годы. Стала въ немъ сказываться реакція: стали его мучить тѣ демоны-искусители, на которыхъ онъ жаловался въ „Посланіи къ Іову Княгиницкому“, т. е. даже въ концѣ первыхъ годовъ XVII вѣка; вѣдь нѣчто подобное было и съ старымъ аббатомъ, героемъ романа „Notre Dame de Paris“ В. Гюго! И вотъ, для своего успокоенія, Вышенскому пришлось подъ старость составлять „Обличеніе на діавола“... Но я могъ бы и не напрягать своей фантазіи для подобныхъ возраженій Франку: дату „Обличенія“ намъ скорѣе, чѣмъ всякая психологія, уяснить разборъ этого произведенія, который мы сейчасъ произведемъ вновь. Я до сихъ поръ молчалъ, но вѣдь „Обличеніе“ вовсе не *лирическое* изліяніе Вышенскаго предъ самимъ собою! Въ противность утвержденію Франка, оно—полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи и предназначенное для постороннихъ читателей! Унія—это и есть „соблазнъ діаволь“. Въ самомъ дѣлѣ: разсмотримъ діавольскія искушенія поближе. Кто изъ духовныхъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію или католицизмъ), тому діаволь обѣщаєть высшія духов-

рѣя должности *католическаго* костела: бискупство, арцыбискупство, кардинальство, папство (см. текстъ „Кіевск. Стар.“ 1889, апрѣль, прилож., стр. 33). Кто изъ знатныхъ мірянъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію, или католицизмъ), тому онъ открываетъ доступъ къ высшимъ должностямъ *польскаго* государства: войскаго, подкоморія, судьи, каштеляна, старосты, гетмана, канцлера короля („Если хочешъ королемъ быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тебѣ и королевство дам“. „Кіев. Стар.“, loc. laud.). Третій соблазнъ діавола касается болѣе простыхъ людей, мѣщанъ и крестьянъ: если они поклонятся ему, то будутъ пользоваться безмятежнымъ житьемъ (котораго лишены православные жители Польши). Сознавая все это, Вышенскій совѣтуетъ православнымъ землякамъ (а вовсе не себѣ) презрѣть всѣ (уніатскія) искушенія и вооружиться для мужественной борьбы аскетизмомъ (Вышенскій не разъ рекомендовалъ мірянамъ аскетизмъ, и самъ же Франко въ другомъ мѣстѣ, на стр. 463-й, отмѣчаетъ, что этотъ совѣтъ былъ даже причиной его неладовъ съ Ставропигійскимъ братствомъ). Какимъ образомъ отъ Франка ускользнули всѣ эти ясныя данныя, прямо свидѣтельствующія о томъ, что „Обличеніе“ написано ужъ послѣ введенія уніи,—я почти не понимаю: обыкновенно Франко отличается проницательностью въ изслѣдованіяхъ, но на этотъ разъ его ослѣпила предвзятая психологія и поэтическая жилка. И притомъ, на стр. 95-й, самъ же Франко отмѣчаетъ, что блага, обѣщаемыя діаволомъ, все католическаго свойства. Но, сдѣлавши эту отмѣтку, Франко отсюда ни о чемъ не догадывается, а только находитъ, что это—„интересно“. Да, интересно!

Унія введена въ 1596-мъ году,—значить, „Обличеніе“ написано не позже того. Но нѣтъ ли способа опредѣлить дату „Обличенія“ поточнѣе? Кажется, есть. На стр. 96—97 диссертациі Франка указано, что тема сочиненія—разговоръ діавола съ человѣкомъ—не изобрѣтена самимъ Вишенскимъ: она часто разрабатывалась отъ первыхъ временъ христіанства, она часто разрабатывалась и въ вѣкъ Вышенскаго, на многіе лады; тутъ Франко приводитъ и массу тщательно собранныхъ библіографическихъ данныхъ. И что же обнаруживается (но чего самъ

Франко не замѣчаетъ)! вѣдь изданіе-то такихъ книгъ начинается въ польской литературѣ только съ 1598-го года и констатируется въ такомъ порядкѣ: 1598 (двѣ книги), 1600, 1603 и т. д. По моему отсюда можно заключить, что Вышенскій написалъ свое „Обличеніе“ не раньше 1598-го года: можетъ быть, въ томъ же 1598-мъ году, или въ 1599-мъ. Но нельзя ли пойти дальше? Предложимъ вопросъ: гдѣ же Вышенскій познакомился съ польскими „Розмовами“? на православномъ ли Аѳонѣ? Конечно, и это не было бы чѣмъ-то невозможнымъ: изъ сочиненій Вышенскаго мы знаемъ, что на православный Аѳонъ привозились польскія книги вродѣ произведеній Скарги и 'Αντίρρησις' α, да и полякъ Игн. Петрашевскій свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ: „Dziesięcioletnia podróŜ po Wschodzie (стр. 75—76), что въ аѳонской библіотекѣ есть коллекція польскихъ книгъ, пѣсенъ церковныхъ и бумагъ отъ XVI вѣка. Однако, быть можетъ, гораздо естественнѣе будетъ предположить, что всѣ упомянутыя польскія „Rozmowy“ стали знакомы Вышенскому ужъ во время его путешествія на родину и что онъ, воспользовавшись формой католическихъ сочиненій, составилъ „Обличеніе“ православное,—стало быть, не раньше 1605—1606 года. По своей тенденціи (идеализація аскетизма) „Обличеніе“ какъ разъ подходитъ къ „Посланію старицѣ Домникіи“ и къ „Зачапкѣ“,—произведеніямъ, писаннымъ во время путешествія на Русь и вкорѣ послѣ ухода оттуда. „Зачапка“ также выставляетъ на видъ матеріальное счастье уніатовъ и совѣтуетъ православнымъ, противъ этого, стать аскетами. Есть у меня еще одно соображеніе, но такъ какъ оно основано на психологіи, то я не придаю ему особеннаго значенія. Пребываніе Вышенскаго на родинѣ показало ему воочію, что безъ науки православіе должно падать, и внушило ему сознаніе недостаточности собственнаго образованія. И ревнуя о чистотѣ православія, и одновременно чувствуя неизбежность уніатской науки, Вышенскій могъ сваливать свои ощущенія на то же діавольское искушеніе, которое заставляло многихъ другихъ православныхъ переходить въ унію; быть можетъ, это была также одна изъ причинъ, заставившихъ его написать „Обличеніе“; въ результатѣ такого предположенія опять таки

появляется дата для „Обличенія“ приблизительно 1606-й годъ. Впрочемъ, все это только „*можетъ быть*“: будемъ довольствоваться констатированіемъ и того одного несомнѣннаго факта что „Обличеніе“ написано не раньше 1596-го года. Это *terminus a quo*. Если намъ удастся узнать, когда именно Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“, въ которой упоминается и „Обличеніе на діавола“, то будемъ имѣть также *terminus ad quem*.

№ 4. *Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ*. Разъ мы отвергаемъ раннее составленіе трехъ предыдущихъ №№-овъ, то „Извѣщеніе“ должно считаться не четвертымъ, а первымъ, самымъ раннимъ произведеніемъ Вышенскаго, съ которымъ онъ, довольно робко, впервые выступаетъ передъ малорусской публикой; подпись—только „Іоаннъ мнихъ“, безъ прибавленія: „зъ Вышней“; объ уни здѣсь еще нѣтъ рѣчи, споръ пока касается только календаря, и за одно—затрагивается вопросъ о лживости католичества. Франко вполне убѣдительно показываетъ (только ужъ не на основаніи психологіи!), что составлено „Извѣщеніе“ въ 1589-мъ или въ 1590-мъ году. Разбору этого сочиненія Франко посвящаетъ страницы 100—148. Разборъ этотъ—прекрасный, основательный, обстоятельный, ученый, онъ мѣтко подчеркиваетъ убѣжденія и литературные приемы Вышенскаго, мѣтко подчеркиваетъ значеніе сочиненій Вышенскаго, какъ матеріала для характеристики современной эпохи, касается даже критики текста и выясненія позднѣйшихъ интерполяцій, и можно пожалѣть только объ одномъ: почему Франко не имѣетъ при этомъ ни малѣйшаго дара (или желанія) *колоритно* пересказывать чужія произведенія? Съ успѣхомъ читать Франка можно только въ томъ случаѣ, если одновременно имѣется передъ глазами текстъ сочиненій Вышенскаго. Главное наблюденіе, сдѣланное Франкомъ здѣсь о нашемъ авторѣ, слѣдующее: Вышенскій не столько ученый-философъ, не столько богословъ-догматикъ, не столько діалектикъ, сколько этический проповѣдникъ,—онъ обращается не къ уму читателя, а къ его душѣ, къ чувству, къ совѣсти, и вѣра безъ дѣлъ у него мертва (стр. 113). Конечно, Франко не ограничивается въ своемъ разборѣ только Вышенскимъ: онъ по дорогѣ затрагиваетъ много другихъ вопросовъ,

имѣющихъ хотя бы косвенное отношеніе къ Вышенскому и его эпохѣ. Для образчика привожу (въ русскомъ переводѣ) остроумную характеристику клирика Василя Суражскаго: „Суражскій—писатель добросовѣстный, трудолюбивый, можетъ быть, по своему и ученый, но очень тяжелый на подъемъ мысли и почти совсѣмъ лишенный литературнаго таланта. Не знаю, есть ли въ нашей полемической литературѣ того времени сочиненіе, чтеніе котораго такъ бы утомляло и мучило, какъ чтеніе его „Книжки о вѣрѣ“. И вина не въ сухомъ стилѣ, не въ какой-нибудь особенной темнотѣ и глубинѣ. Онъ имѣетъ спеціальную привычку: каждый малѣйшій шагъ въ своей аргументаціи поддерживать цитатами и даже цѣлою кучею цитатъ изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, изъ отцовъ церкви, изъ историковъ и т. п. Къ несчастію, всѣ эти цитаты въ большинствѣ случаевъ такъ приходится кстати, какъ тѣ пословицы, которыми на каждомъ шагу щедро сыплетъ Санчо Панса въ знаменитомъ романѣ Сервантеса (стр. 119)“. Возраженія, которыя я могу сдѣлать Франку въ этой главѣ, относятся къ мелочамъ, къ деталямъ. Такъ, напр., говоря о непосредственной генетической связи платонизма, неоплатонизма и богословской философіи христіанской (стр. 106), Франко ссылается на G. Roskoff. „Geschichte des Teufels“,—гораздо умѣстнѣе было бы сослаться на сочиненія, болѣе спеціальныя, чѣмъ на такія, въ которыхъ данный вопросъ задѣтъ мимоходомъ и случайно. Франко, впрочемъ, вообще не стѣсняется цитировать всякія книги безъ разбора, что ужъ дышетъ чѣмъ-то гимназическимъ, а не профессорскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (напр., на стр. 393-й) онъ позволяетъ себѣ, для оцѣнки аскетизма, приводить „трохи гуморыстично пидсолени“ отрывки изъ современныхъ легкихъ беллетристовъ, изъ смѣшного романчика! Вторая непохвальная мелочь въ этой главѣ у Франка—уподобиться можетъ ложкѣ дегтю, вметаемой въ бочку меду. На стр. 123-й мы читаемъ:... „изъ сочиненій аѳонскаго монаха Максима Грека, который въ послѣдствіи былъ *архієпископомъ* московскимъ“. Какое грубое непониманіе роли Максима Грека въ Москвѣ и вообще непониманіе россійской церковной исторіи, притомъ въ одинъ изъ

интереснѣйшихъ и важныхъ моментовъ! Любопытно было бы также знать, что понималъ Франко подъ саномъ „московскаго архіепископа“, должно быть, санъ митрополита. Курьезно, что львовскій журналъ „Бесѣда“, издаваемый т. н. „москвофилами“ и обязанный, значить, знать общерусскую исторію *par excellence*, вовсе не нашелъ ничего страннаго въ архіепископствѣ несчастнаго Максима Грека. Впрочемъ удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, потому что между всѣми галичанами лучшій знатокъ русской исторіи и литературы Франко, и если онъ могъ ошибиться, то что ужъ говорить о „Бесѣдѣ“?!—Отъ неполнаго знакомства съ великорусскими трудами по церковной исторіи Руси проистекаетъ у Франка неправильное сужденіе о книжкѣ Степана Зизанія: „Слово св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Франко называетъ „Слово“ апокрифомъ (стр. 131), а оно настоящее.—Не мѣшаетъ также поставить знакъ вопроса надъ утвержденіемъ Франка, будто Вышенскій былъ *первымъ* изъ южно-русскихъ писателей, который воспользовался протестантской идеей—поставить пану въ связь съ антихристомъ (стр. 131). Не могу сейчасъ вспомнить, гдѣ именно, но знаю навѣрное, что встрѣчалъ это сближеніе въ южно-русской литературѣ и раньше Вышенскаго¹⁾.

№ 5. О (прочихъ) *еретикохъ* (стр. 149—150)—простая добавка къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, что и показано Франкомъ. Голубевъ („Объясн. пар.“, стр. 37) держится того же мнѣнія. — „Извѣщеніе“ составлено подъ вліяніемъ „Книжицы“ В. Суражскаго; разъ статейка „О еретикохъ“—добавленіе къ „Извѣщенію“, то, мнѣ кажется, можно и эту статейку объяснять вліяніемъ той же „Книжицы“: какъ разъ въ „Книжицѣ“ (Острогъ 1588) есть одна глава, посвященная защитѣ иконопочитанія и направленная противъ еретиковъ-реформатовъ.

№ 6. *Загадка философмъ латинскимъ* (стр. 151—154). Съ литературно-фольклористической стороны разобрана она Франкомъ прекрасно, но отнесена къ тому же 1590-му году безъ

¹⁾ См. добавленіе къ моей работе (о рецензіи Студинскаго).

малѣйшаго намека на мотивировку. Я впрочемъ не стану спорить съ Франкомъ на счетъ даты, потому-что въ „Терминѣ“ Вышенскаго „Загадка“ помѣщена тотчасъ вслѣдъ за статьей „О еретикохъ“ (см. „Кіевск. Стар.“, 1889, апр., прил., ст. 29). Мы видѣли, что хронологическій порядокъ Франка идетъ въ разрѣзъ съ указаніями „Термины; поэтому и въ отношеніи къ „Загадкѣ“ онъ предпочелъ быть совсѣмъ голословнымъ, предпочелъ держаться султански-деспотическаго „сюда же отношу“, чѣмъ сослаться на авторитетъ неудобной для него „Термины“. Вольному воля!

№ 7. *Писаніе до всѣхъ обще въ людской землі живящихъ*—разобрано Франкомъ на стр. 155—186. Сопоставляя „Писаніе до всѣхъ“ съ жалобой Львовскаго Ставропигійскаго братства на безпутную жизнь львовскаго епископа Гедеопа Балабана, Франко показываетъ, что оно написано около 1593-го года. Это—первое произведеніе Вышенскаго, подъ которымъ есть ужъ его обычная подпись „Іоанъ изъ Вышнь“, а не одно „Іоанъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ она первое произведеніе Вышенскаго, имѣющее форму эпистолярную. Это обстоятельство даетъ поводъ Франку задуматься вообще надъ фактомъ внезапнаго распространенія особой литературной формы: „письмо“, подмѣчаемымъ у разныхъ народовъ въ важные моменты ихъ исторической жизни. Франко вообще имѣетъ привычку пересыпать свою диссертацию подобными экскурсами общаго характера, отчего, конечно, она только выигрываетъ. Разборъ „Писанія до всѣхъ“—одинъ изъ болѣе удачныхъ и обстоятельныхъ у Франка—прекрасно иллюстрируетъ его критико-литературные приемы: онъ аккуратно слѣдуетъ за каждой мыслью сочиненія Вышенскаго, останавливается на ней, и тутъ или извлекаетъ изъ нея матеріалъ для характеристики автора, или подвергаетъ исторической критикѣ достовѣрность какого-либо факта, утверждаемаго Вышенскимъ, или снабжаетъ этотъ фактъ историческимъ комментариемъ, или пускается по поводу сообщеннаго факта или высказаннаго мнѣнія въ разсужденія общенсторическаго свойства. Больше всего Франко въ разборѣ „Писанія до всѣхъ“ показываетъ себя историкомъ (не словесникомъ), и его критическій разборъ имѣетъ то значеніе,

что открываетъ теперь возможность историкамъ южной Руси и Польши съ успѣхомъ пользоваться сочиненіями Вышенскаго; а до сихъ поръ историки забывали, что *in crudo* произведеніями Вышенскаго пользоваться не слѣдуетъ. Но, преслѣдуя цѣли историческія, Франко сильно упустилъ изъ виду литературныя. Насчетъ Вышенскаго онъ говоритъ вотъ что: „Онъ убѣждаетъ не отвлечено-богословскими аргументами, а нравственнымъ и психологическимъ вліяніемъ личности на личность, живымъ словомъ, тономъ, колоритомъ рѣчи... Онъ, въ силу своего поэтического характера, часто жертвуетъ тонкостью и полнотою аргументаціи ради живости тона и колорита рѣчи, ради пластического представленія немногихъ болѣе важныхъ пунктовъ (стр. 157)“. Всѣ эти замѣчанія (безусловно истинныя) не иллюстрированы у Франка ничѣмъ. Онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять читателя, что въ „Писаніи до всѣхъ“ есть мѣста „съ силой выраженія“, „съ величіемъ помысловъ“, мѣста „могучія“ и т. д., но читатель принужденъ ему вѣрить почти на слово. И нельзя сказать, чтобы блѣдность изложенія происходила у Франка отъ желанія выгадать что-либо въ мѣстѣ. Напротивъ, его пересказъ всегда очень подробенъ, но совершенно не колоритенъ. Видя, какъ усердно Франко обезцвѣчиваетъ Вышенскаго, я нѣсколько разъ вспоминалъ одинъ школьный случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ, и произнесенныя при этомъ слова дорогого моего учителя Павла Игнатьевича Житецкаго. Какъ-то, отвѣчая урокъ, мнѣ пришлось ему пересказывать первую пѣсню Иліады, причемъ знаменитый стихъ

„Смѣхъ несказанный воздвигли небесные боги,

Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогамъ вокругъ суетится—

я счелъ нужнымъ передать попроще: „Боги сильно расхохотались, увидѣвши, что Гефестъ бѣгаетъ съ кубкомъ по дворцу“...— „Ахъ вы, варвары!“ крикнулъ на меня Павелъ Игнатьевичъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Теперь, почитывая Вышенскаго въ изготавкѣ Франка, я самъ многожды восклицалъ: „Ой, тай варваръ же въ васъ, мій любый друже! варвары!“ Комизмъ положенія Франка усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣлыя цитаты *другаго* сорта онъ приводитъ изъ Вышенскаго въ изо-

били. Именно: желая опровергнуть тѣхъ критиковъ, которые любимого Франкомъ Вышенскаго дѣлаютъ чуть ли не круглымъ невѣждой, Франко вездѣ съ большимъ удовольствіемъ выписываетъ тѣ мѣста изъ разбираемаго автора, которыя могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной его богословской учености; въ этомъ желаніи Франко и самъ признается (стр. 280). Но, поступая такимъ образомъ, онъ достигаетъ совершенно неожиданнаго и нежелательнаго результата: у читателя невольно слагается представленіе, что Вышенскій—это какой-то сухой догматикъ, т. е. слагается такое представленіе, которое менѣе всего правильно. Я уже и раньше имѣлъ случай подчеркнуть этотъ промахъ Франка (неколоритность въ изложеніи), теперь подчеркиваю вновь и ужъ больше возвращаться къ этому пункту не стану. Добавлю, что указаннымъ недостаткомъ страдаетъ *каждая* глава диссертациі и, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ (настоящая) глава о „Писаніи до всѣхъ“. При разборѣ „Зачапки“ не приведено знаменитое мѣсто о „кровоѣдахъ, мясоѣдахъ, волоѣдахъ, скотоѣдахъ, звѣроѣдахъ, свиноѣдахъ, куроѣдахъ, гускоѣдахъ, птахоѣдахъ, сытоѣдахъ, сластноѣдахъ, маслоѣдахъ, пироѣдахъ, периноспалахъ, мягкоспалахъ, подушкоспалахъ, перцолюбцахъ, шафранолюбцахъ, имберолюбцахъ, и гвоздиколюбцахъ“ и т. д. Особенно страдаетъ у Франка разборъ „Посланія ко кн. Василю Острожскому“, гдѣ Вышенскій драматически причитаетъ надъ воображаемымъ трупомъ Скарги: это причитаніе является, по словамъ Франка же (стр. 183), „истиннымъ перломъ между произведеніями Вышенскаго“, и оно изложено сухе, чѣмъ что-либо! Въ этомъ отношеніи Франко представляетъ разительный контрастъ съ Сумцовымъ.

Итакъ, Франковскіе этюды о каждомъ произведеніи Вышенскаго заключаютъ въ себѣ громадныя достоинства историческія, но съ художественно-литературной точки зрѣнія не стоятъ ничего. Игнорированіе Франкомъ законовъ художественности я позволю себѣ объяснить тѣмъ, что на нынѣшнюю книжку онъ смотритъ не болѣе, какъ на матеріалы для будущей, ожидаемой книги. Можно здѣсь кстати отмѣтить, что преобладаніе историко-критической наклонности надъ всѣмъ другимъ предохранило

Франка отъ излишняго увлеченія своимъ симпатичнымъ писателемъ: онъ вовсе не влюбленъ въ Вышенскаго, какъ это часто бываетъ у біографовъ, онъ вовсе не склоненъ надѣлять его всѣми чертами идеальнаго человѣческаго совершенства, и разбираемую теперь мною 7-ю главу онъ заканчиваетъ слѣдующимъ строгимъ заключеніемъ: „Ни талантъ Вышенскаго, ни его политическое образованіе не были достаточны для того, чтобы изъ Ставропигійской „педулы“ сдѣлать публицистическій трудъ; вышло только эффектное по формѣ, но слабое по содержанію подражаніе ветхозавѣтному пророку (стр. 174)“. Если мы вспомнимъ, что писателя нужно судить, переносясь въ его времена, то найдемъ этотъ безжалостный судъ даже слишкомъ строгимъ.

Изъ мелкихъ возраженій Франку я сдѣлаю толко одно. Вышенскій совѣтуетъ мірянамъ „пустынное воспитаніе“, а Франко съ удивленіемъ спрашиваетъ, неужели проповѣдникъ серіозно совѣтывалъ всѣмъ людямъ покинуть свѣтъ и уйти въ пустыню да и дѣтей воспитывать въ пустынѣ. Слишкомъ узко понимаетъ Франко терминъ: „пустынный“. „Пустынный“—„аскетическій“; можно быть пустынникомъ, не уходя изъ міра и его обстановки; срв. въ „Голистанѣ“ слова Саадія, одного изъ популярныхъ проповѣдниковъ житейскаго аскетизма (мой переводъ въ „Життіи и Слови“ 1894, № 4, стр. 27). Совѣтуя мірянамъ „пустынное“, т. е. аскетическое воспитаніе, Вышенскій является выразителемъ тѣхъ идей, которыми былъ проникнутъ въ его время весь востокъ: мусульманскій и христіанскій (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“ М. 1895, послѣдн. гл., „о причинахъ распространенія суфизма“).

№ 8. *Посланіе ко кн. Василю* (т. е. Константину) *Острожскому* (стр. 175—186)—составлено Вышенскимъ въ 1598-мъ году и содержитъ въ себѣ вдохновенное изліяніе чувствъ автора послѣ прочтенія „Апокрисиса“ Бронскаго. Какъ извѣсто, Вышенскій воображаетъ здѣсь Скаргу въ видѣ побѣжденнаго, „нагле здохлого“ трупа и причитаетъ надъ нимъ (насколько Франко обезцвѣтилъ въ своемъ изложеніи это причитаніе, я ужъ подчеркивалъ выше и общалъ не входитъ болѣе въ обсужденіе подобныхъ пунктовъ). Франко думаетъ, что Вышенскій, соби-

раясь причитать надъ покойникомъ и разбирать его жизнь „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“, желаетъ подражать народному обычаю. Для доказательства, что этотъ обычай—народный, Франко ссылается на беллетристическій рассказикъ Михалины Рощкевичъ. Лучше было бы упомянуть о статьѣ Х. Ящуржинскаго: „Малорусскія причитанія надъ умершими“, въ „Кіевск. Стар.“ 1888, № 1; не мѣшало бы также познакомиться съ русскимъ капитальнымъ трудомъ Барсова: „Причитанія Сѣвернаго края“ (М. 1872) и статьей Веселовскаго: „Die Russischen Todtenklagen“ въ „Russische Revue“ 1873, XII. Кажется однако, что Франко невѣрно понималъ выраженіе: „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ (онъ, конечно, сопоставлялъ его съ ново-малорусскимъ: „дія“, т. е. „драматическое дѣйствіе“). Это выраженіе нельзя переводить: „согласно драматическому обычаю на простонародныхъ похоронахъ“, а нужно здѣсь видѣть „дѣи“—„исторія“ (dzieje), каковой смыслъ это слово имѣетъ у Вышенскаго всегда; по всему вѣроятію, Вышенскій своимъ заявленіемъ намекалъ на ветхозавѣтныхъ (и даже классическихъ) плакальщицъ.—Повторяя мнѣніе Кулиша („Ист. возсоед.“ I, 296—297), будто въ цѣломъ „Писаніи до кн. Острожскаго“ нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы прямо отнести къ этому князю, и ни одного слова признательности за могущественную поддержку православію (стр. 177), Франко допускаетъ, кажется, преувеличеніе. Конечно, Вышенскій нигдѣ кромѣ адреса не называетъ Острожскаго прямо по имени, но многія похвалы за усердіе въ вѣрѣ и за ревнованіе о православіи, произносимыя Вышенскимъ съ обращеніемъ „Вы“, „Вашъ“, можно отнести не ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, а именно къ самому князю.—На стр. 179-й и 180-й Франко смѣшиваетъ польское (Виленское) и русское (Острожское) изданіе „Апокрисиса“ Филалета Бронскаго, считаетъ ихъ одновременными (русское изданіе вышло годомъ позже польскаго) и, повидимому, думаетъ, что въ Острогѣ явилось изданіе польское. Слѣдовало бы Франку познакомиться съ „Изслѣдованіемъ объ Апокрисисѣ Филалета“ М. Скабалановича, которое напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г.—На стр. 181-й Франко вдается въ филологическій экскурсъ насчетъ смысла библейскаго имени „Рапсакъ“ и, на

основаніи Рейса (La Bible) заявляетъ, что это имя не собственное, а нарицательное. Ужъ если слѣдовало вдаваться въ семитическую филологію, то не мѣшало бы замѣтить, что это слово произносится „рабшакъ“, а не „рапсакъ“.

№ 9. Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ—чуть ли не самое громадное изъ всѣхъ произведеній Вышенскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое цѣнное, не только потому, что оно содержитъ массу указаній на важные историческіе факты, но еще больше потому, что въ немъ ярко освѣщена бытовая сторона конца 16-го вѣка; оно же имѣетъ первостепенное значеніе для опредѣленія біографіи автора и лучше другихъ произведеній характеризуетъ его благородный образъ мыслей. Такъ какъ Франко снабдилъ „Писаніе къ утекшимъ епископомъ“ чрезвычайно подробными, интересными и систематическими комментаріями (стр. 187—240), то эти страницы получили характеръ связной культурно-исторической картины изъ первыхъ временъ уніи въ ю. Руси. Говоря о знаменитой, громовой тирадѣ Вышенскаго противъ „хлопанія, кожумяканія, сидѣльныканія“ и т. д. (стр. 215), Франко даетъ намъ пересказъ, безупречный даже въ художественномъ отношеніи и усиливающий полноту впечатлѣнія (отъ мастерскаго разбора. Можно сожалѣть, что Франку не былъ доступенъ текстъ, вновь рецензированный профессоромъ Сырку и напечатанный въ „Исторіи Аѳона (т. III, Оправданія, стр. 1014 и слѣд.“). Любопытенъ вопросъ о точномъ опредѣленіи времени, когда Вышенскій составилъ „Писаніе къ епископомъ“. Во-первыхъ, можно утверждать, что оно написано не позже 1599-го года, потому-что митрополитъ Михаилъ Рагоза упоминается въ немъ еще какъ живой; съ другой стороны рядъ намековъ Вышенскаго на извѣстные историческіе факты показываетъ, что „Писаніе“ не могло быть составлено раньше 1598-го года. Но большое затрудненіе, и не столько для хронологіи, сколько для изслѣдованія сочиненія, возникаетъ здѣсь въ виду яснаго заявленія Вышенскаго, что онъ писалъ это посланіе къ уніатскимъ владыкамъ подѣ *самымъ свѣжимъ* впечатлѣніемъ *ихъ* книги „зовемой:“ „Оборона згоды зъ латинскимъ костеломъ и вѣрою Риму служащей“ (пр. Порфирій Успенскій: „Ист. Аѳ.“

т. III, прил., стр. 1014). Книги съ *точно* такимъ заглавіемъ и притомъ вышедшей въ свѣтъ около 1598-го года—мы совсѣмъ не знаемъ. Франко думаетъ, что Вышенскій нарочно, съ ироніей, искажилъ заглавіе, и предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ виду книгу: „Унія альбо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ кузъедноченью Грековъ съ костеломъ Римскимъ належащихъ“ (стр. 192—193). Но, во-первыхъ, „Унія“ вовсе не имѣетъ характера соборнаго,—она составлена однимъ только Ипатіемъ Поцѣмъ; во-вторыхъ, она напечатана еще въ 1595-мъ году: нельзя же предположить, чтобы при тѣхъ живыхъ сношеніяхъ южной Руси съ Аеономъ, какія были въ тотъ моментъ, книга Поцѣя попала на Аеоны только въ 1598-мъ или 1599-мъ году, черезъ три-четыре года послѣ выхода въ свѣтъ; и въ-третьихъ, „Унія“ еще не говоритъ о „подвига дѣлѣ“ (какъ выражается Вышенскій), т. е. совершившемся фактѣ, а просто предлагаетъ только прозекъ. Вѣришь всего, что Вышенскій говоритъ о книгѣ: „Оборона (NB!). Берестейского русского собора“, напечатанной въ Вильнѣ въ 1597-мъ году. (У Ундольскаго стоитъ годъ 1595-й, но что это ошибка, см. Бантышъ-Каменскаго, Сахарова, Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.“ (Крак. 1840 — 1857, т. VIII, стр. 293), Головацкаго: „Дополн. къ оч. слав.-р. библ. В. М. Ундольскаго“, стр. 8). Самое названіе „Оборона“ совпадаетъ съ тѣмъ титуломъ искомой книги, который мы встрѣчаемъ въ посланіи Вышенскаго.

Сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по поводу отдѣльных мѣстъ Франковскаго этюда. На стр. 219-й читаемъ: „Посланіе, должно быть, до глубины души потрясло тогдашнихъ читателей, а особенно самихъ адресатовъ, если дошло до ихъ рукъ. Въ особенности близкимъ является допущеніе, что митрополитъ Рагоза, наиболѣе шаткій и мягкій, но и наиболѣе религіозный изъ всѣхъ инициаторовъ уніи, именно этимъ посланіемъ былъ такъ сильно потрясенъ, что заболѣлъ и умеръ отъ тоски, раскаиваясь въ уніи и требуя православнаго попа (Копыстенскій: Палинодія,—Русск. Ист. Библ., IV, 1045)“. Насчетъ М. Рагозы Франко, *быть можетъ*, еще правъ (жаль только, что на стр. 240-й онъ ужъ поспѣшилъ безусловно увѣровать въ свое предположеніе и развиваетъ его далѣе), но откуда онъ взялъ, что напоминанія Вы-

шенскаго о страшномъ судѣ могли бы тронуть другихъ инициаторовъ уніи, напр. Кирилла Терлецкаго? Не самъ ли Франко въ другомъ мѣстѣ (стр. 201 и др.) приводитъ рядъ преинтереснѣйшихъ свидѣтельствъ о нравственномъ обликѣ уніатскихъ владыкъ¹⁾ и напоминаетъ, что О. Левицкій (А. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI) собралъ цѣлую кучу актовъ объ обдирательствахъ, насиліяхъ, наѣздахъ и убійствахъ Кирилла Терлецкаго? Да и Вышенскій не особенно вѣрилъ въ силу своихъ угрозъ: „Я только съ повинности своей и любви христіанской, што знаю, то вамъ открываю. Вамъ же послухати и сотворити волно: якъ хочете, тако творѣте,—волю и самовластіе имате“. („Ист. Аѳ.“, т. III, оправданія, стр. 1023).

Разбирая „Исторію“ (она, собственно, называется: „Повѣсть“, см. текстъ Сыреу, „Ист. Аѳ.“, loc. laud., стр. 1043) о Божіей помощи Аѳонскому монастырю при нападеніи латынниковъ въ царствованіе Михаила Палеолога, Франко говоритъ (стр. 224): „Михаилъ Палеологъ царствовалъ въ Византіи въ 1071-1078 г.“; то же онъ повторяетъ на стр. 225-й. Это не вѣрно. Развѣ династія Палеологовъ воцарилась въ XI вѣкѣ?! Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ династіи, старавшійся ввести въ Византію унію послѣ Ліонскаго собора 1274-го года, царствовалъ въ XIII вѣкѣ, можно считать—съ 1258-го года, а умеръ въ 1282-мъ году.—Франко думаетъ, что „Исторія“—просто легенда монастырская съ небольшимъ, *пожалуй*, ядромъ историческимъ. Наоборотъ! въ „Исторіи“ (или „Повѣсти“,—будемъ ее такъ называть) подлинныхъ историческихъ фактовъ очень и очень много. Такъ, въ ней упоминается сперва упорная борьба грековъ съ латинами (или „фругами“, т. е. „франками“) и изгнаніе „фруговъ“ изъ Византіи: очевидно, имѣется въ виду возвращеніе Константинополя отъ латинянъ въ 1261-мъ году. Далѣе, по „Повѣсти“, Матеологъ

¹⁾ Почему, говоря о Подѣѣ, Франко не упоминаетъ ни слова о рядѣ такихъ характерныхъ документовъ, какіе печатались въ „Вѣстникѣ Ю. З. и З. Россіи“? Интересна, напр. жалоба Загоровскихъ на Подѣю о нападеніи на православную Владимірскую церковь, о причиненіи самымъ Подѣемъ побоевъ священнику этой церкви („у губу далъ и розкрывавилъ“), о наруательствахъ надъ этимъ священникомъ, и т. д. См. „Вѣстникъ“ 1863, мартъ, документъ № 27, стр. 37.

(иронич. прозвище Михаила Палеолога) вступаетъ въ союзъ съ латинянами: конечно, имѣется въ виду Ліонскій соборъ 1274-го г. о заключеніи уніи съ Римомъ. Латиняне приходятъ къ Аѳону, — ну, это было въ 1280-мъ году. Избіеніе Михаиломъ многихъ тысячъ православныхъ, противившихся латинству, напрасно кажется Франку невѣроятною вещью и признакомъ легендарности. Стоитъ прочесть нѣсколько страницъ изъ историка-современника—Георгія Пахимера (его сочиненіе есть и въ русскомъ переводѣ), чтобы убѣдиться, до какихъ чудовищныхъ, ужасныхъ звѣрствъ доходилъ Михаилъ при водвореніи уніи; Пахимеръ прибавляетъ, что эти колоссальныя звѣрства слѣдуетъ описывать слезами, а не чернилами. Длинное обличеніе латинской ереси, которое Вышенскій (вѣрнѣе—„Сборникъ Аѳонской горы“) влагаетъ въ уста одному православному монаху (см. текстъ Сырку, стр. 1046-1047), не мѣшало бы сличить, во-первыхъ, съ однимъ греческимъ документомъ (обличеніемъ аѳонскихъ монаховъ Михаилу Палеологу), напечатаннымъ по-гречески и по-русски въ „Исторіи Аѳона“ преосв. Порфирія Успенскаго, а во-вторыхъ—съ извѣстной сатирой на Михаила, восходящей въ славянскомъ переводѣ къ 14-му вѣку („Прѣніе Панагiota Костанътина съ Гардинари о азимѣ“).—И такъ оказывается, что въ „Повѣсти“ есть очень много историческаго, побольше, чѣмъ одно ядро. Добавлю кстати, что греческій ея оригиналъ (или правильнѣе—источникъ) изданъ преосв. Порфиріемъ Успенскимъ въ „Исторіи Аѳона“, т. III б.; а въ томъ III. а. того же сочиненія изложена Порфиріемъ вся исторія введенія Ліонской уніи и отношенія къ ней аѳонитовъ. Если у Франка не было подъ руками труда Порфирія, то онъ могъ бы исторію уніи, 1274-го года просмотрѣть въ имѣющейся у него книгѣ А. Попова: „Обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875, стр. 240—245.

На стр. 229—232-й Франко отмѣчаетъ въ развитіи Вышенскаго около 1599-го года одну черту: стремленіе распространить въ малорусской публикѣ сочиненія о православныхъ чудесахъ, въ pendant къ западнымъ „новелламъ“, и тутъ же говорить: „Называя разсказъ объ обрѣтеніи мощей Варлаама „Но-

виною“, Вышенскій повидимому выражалъ этимъ желаніе, чтобы подобныя благочестивыя повѣсти вытѣснили изъ рукъ малорусскихъ читателей „новины“ западно-европейскія.“ Казалось бы, отсюда у Франка непременно явится убѣжденіе, что „Новину о обрѣтеніи тѣла Варлаама“ Вышенскій написалъ тогда же,—около 1600-го года; но мы ужъ раньше видѣли, до чего его ослѣпила злосчастная гипотеза путешествія на Аеонъ черезъ Охриду.—На стр. 233—237 идутъ обширныя разсужденія объ истинномъ смыслѣ мѣста, которое въ „Актахъ Южной и Западной Россіи“ (1865, СПб., т. II, стр. 252) читается такъ: „А о себѣ наскаковати безстуднѣ, песски, якоже вы, на поповство безъ волѣ Божей не хочу“, причемъ Франко предлагаетъ нѣсколько вариантовъ чтенія и толкованія. Если бы онъ могъ видѣть текстъ, изданный Сырку (стр. 1054), то нашелъ бы, что запятая стоитъ не послѣ „вы“, а послѣ „поповство“. Тутъ же Франко нападаетъ на Игн. Житецкаго, осмѣливагося сказать, что тогда, около 1600-го г., Вышенскій не пришелъ на родину изъ страха: „Воля Божія—говорить И. Житецкій—въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному страннику.“ Франко увѣряетъ, что у Вышенскаго не могло даже возникнуть чувство страха, что даже смѣшно говорить о преслѣдованіяхъ въ тогдашней Польшѣ и что при ея свободномъ строѣ никто не посмѣлъ бы причинить Вышенскому малѣйшій вредъ (стр. 236). Соглашаясь съ тѣмъ, что Польша 17-го вѣка и Польша 16-го в.—не одно и то же, я въ тоже время думаю, что годъ введенія уніи уже стоитъ на рубежѣ обоихъ періодовъ. И Вышенскій (текстъ Сырку, стр. 1504) не даромъ же говоритъ: „Будетъ зась и тая похвалка у противныхъ: волно ти, мовячи, тамъ заочне и въ далекомъ кутѣ такъ безпечно ширмовати; але коли бы еси тутъ былъ, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали“... (стр. 1055): „Хвалитеся (т. е. „грозите“) затворами темничными, битіємъ и убитіємъ“... (стр. 1056): „Вы православныхъ мучити, катовати... (и т. д.)...—силу, власть и начальство имате“. Какъ видимъ, Вышенскій самъ находилъ опаснымъ ѣхать тогда на Русь. Правда, въ 1605-мъ году онъ таки поѣхалъ, и Франко подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство неприкосновен-

ности личности въ тогдашней Польшѣ, но, во 1-хъ, тогда значительная часть оскорбленныхъ Вышенскаго враговъ ужь умерла, во-2-хъ, другая часть успѣла за шесть лѣтъ позабыть первую горечь обличеній, и въ 3-хъ—кажется, что Вышенскій рассчитывалъ на покровительство и защиту кн. Острожскаго, на имя котораго онъ, по моей догадкѣ, могъ послать „Термину“ своихъ сочиненій какъ разъ передъ путешествіемъ домой (см. ниже).

Разставаясь съ этой длинной девятой главой, привожу изъ нея прекрасную заключительную страницу, не для критики, но для образца Франковскаго горячаго отношенія къ своей научной задачѣ: „Таковъ конецъ этого громоваго, сильнаго посланія, этого могучаго манифеста талантливой, независимой личности, гордой своею правотой и своимъ сознаніемъ душевной общности съ массами роднаго народа. Никогда еще до того времени сильные міра сего, свѣтскіе ли, духовные ли, не слышали отъ простаго южнорусса такихъ гордыхъ, рѣшительныхъ и потрясающе-сильныхъ словъ. Отъ нихъ вѣтъ, хотя еще безсознательно для самого автора, тѣмъ свѣжимъ, новымъ духомъ освобожденія чело-вѣка изъ оковъ всемогущей традиціи, который сто лѣтъ тому назадъ впервые прогремѣлъ въ Германіи въ боевомъ призывѣ Гуттена: „Ich hab's gewagt!“ И здѣсь нужна была значительная нравственная отвага, чтобы бросить могущественнымъ іерархамъ и всей господствующей системѣ польской прямо въ лице такимъ огненнымъ посланіемъ. Пусть себѣ по отношенію къ богословской аргументаціи оно не представляетъ ничего новаго, пусть себѣ по отношенію къ практической политикѣ оно кое-гдѣ прямо наивно,—не въ томъ его сила, не въ томъ его прочное литературное и историческое значеніе, а въ томъ высокомъ подъемѣ нравственной силы, которою дрожитъ каждое слово, въ той горячей, сердечной крови автора и всего южно-русскаго народа, которою прокипѣла каждая строчка этого произведенія (стр. 239)“...

Такъ-какъ слѣдующими стоятъ на очереди псевдонимныя сочиненія Вышенскаго, то Франко посвящаетъ сперва цѣлую главу (X-ю) вопросу, зачѣмъ Вышенскій писалъ и подъ псевдонимами. Мотивъ самосохраненія (Житецкій) Франко рѣшительно отвергаетъ. Я думаю, что мнѣніе Житецкаго въ извѣстной

степени таки принять можно; вѣдь, составляя „Краткословный отвѣтъ“ Скаргѣ и подписываясь „Θеодуль“, Вышенскій уже готовился идти на родину. Сумцовъ предлагаетъ и другое разъясненіе: „Псевдонимъ „Θеодуль“ могъ возникнуть... изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу („Кіевск. Стар.“, 1885, апр., 652)“. За такую догадку Франко упрекаетъ его и говоритъ: „Выражать свою близость къ Христу—это для смиреннаго аскета было бы признакомъ такой гордости и заносчивости, которая граничить почти съ богохульствомъ (стр. 240)“. Ну, вотъ! Не трудно изъ общаго тона рѣчи замѣтить, что подъ словомъ „близость“ проф. Сумцовъ понималъ здѣсь „стремленіе къ близости“, а не богохульное сознаніе близости ко Христу; такое стремленіе къ близости, или „хождение предъ Богомъ“, прямо предписывается Церковью.

№ 10. *Краткословный отвѣтъ Θеодула*—на книгу Скарги: „O rządzie i jedności kościoła Bożego“—составленъ около 1601-го г.; изслѣдованіе занимаетъ у Франка стр. 265—300. Здѣсь затронута очень много интересныхъ вопросовъ. Напр., Франко съ успѣхомъ касается стараго вопроса о томъ, кто собственно сдѣлалъ изъ Польши терпимой Польшу нетерпимую, фанатическую. Отвѣтъ, конечно, извѣстенъ,—тотъ же, который далъ и Шевченко: „А хто выненъ? Ксьондзы, йезуиты“. Такъ-какъ Вышенскій въ предисловіи къ „Отвѣту“ обнаруживаетъ поворотъ отъ проповѣди голыхъ, чисто-аскетическихъ („пустынныхъ“) идеаловъ къ совѣтамъ болѣе практическимъ и предлагаетъ православнымъ для борьбы съ католицизмомъ учиться, писать, печатать книги, основывать школы, организовать братства, то Франко даетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о значеніи и осуществленіи всѣхъ этихъ пунктовъ въ жизни южной Руси¹⁾. Разбирая постъ-скриптумъ къ отвѣту Θеодула: „О чинѣ прочитанія сего писанія“, Франко начерчиваетъ живыя картины изъ внутренней жизни южно-русскихъ братствъ. И вотъ, усладивши

¹⁾ На стр. 291—292, обращаясь какъ будто къ Руси XVII столѣтія, Франко мечетъ громы, конечно, противъ современныхъ львовскихъ „ругателей“.

(говорю безъ ироніи)—усладивши читателя всей своей статьей, Франко подъ конецъ преподноситъ ему такую горькую чашу, отъ которой иному русскому филологу и любителю стариннѣйшей русской литературы (особенно у кого комплексія понѣжнѣе) грозитъ даже обморокъ. Именно: Франко сообщаетъ, что онъ нашелъ одну старую рукопись XVI вѣка, гдѣ помѣщена слѣдующая интересная статейка о пользѣ чтенія книжнаго: „Добро есть печатати кпѣгы паче всякому крестянину, блаженіи бо, рече, испытающе свѣденіа его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ его, что бо рече испытающій свѣденіа его, явѣ рече. Егда чтеши кнѣгы, не днися (очевидно Франко невѣрно прочелъ: вм. „тщися“) борзо ищисти до другія главизны“ и т. д. и т. д. (стр. 299—300). Кажется, даже не спеціалистъ можетъ замѣтить, что упомянутая „интересная статейка, подробно описываемая и излагаемая Франкомъ, есть ни что иное, какъ предисловіе къ знаменитому Изборнику Святослава 1076-го года. Полностью этотъ сборникъ изданъ, конечно недавно (Шимановскій: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“. Варш. 1887), но предисловіе его („О почитаніи кнѣжнѣмъ“) всегда помѣщалось во всѣхъ историческихъ хрестоматіяхъ русскаго языка; въ Австріи оно перепечатывалось Миклошичемъ, Головацкимъ и, кажется, Огоновскимъ (въ его „Хрестоматіи старо-русской“). Въ ту рукопись 16-го в., о которой говоритъ Франко, статья о „почитаніи кнѣжнѣ“ попала, вѣроятно, не изъ самаго „Изборника 1076-го года“, а изъ какого-нибудь „Измарагда“: „Изборникъ“ далъ матеріалъ для многихъ „Измарагдовъ“.

№ 11. *Посланіе къ старинѣ Домникии*—стр. 301—321. Франко, пространно пополемизировавши съ Игн. Житецкимъ, устанавливаетъ какъ непоколебимый фактъ, что оно писано въ Цвѣтную недѣлю 1606-го года. Дѣйствительно, нужно изумляться, какъ могъ Житецкій въ виду множества ясныхъ фактическихъ данныхъ считать „Посланіе къ Домникии“ самымъ раннимъ произведеніемъ нашего автора.—Не мѣшаетъ для нашихъ историковъ литературы обратить вниманіе на подчеркнутое Франкомъ (стр. 313) мѣсто изъ „Посланія къ Домникии“: „А латинскихъ басней ученици, зовомые казнодѣи, трудитися

въ церкви не хочють, только комедіи строятъ и играютъ (Арх. ю.-з. Р., I. VII, 29)“. Последняя фраза указываетъ, что драматическое искусство (мистеріи) въ тогдашнихъ православныхъ (!) пиколахъ пользовались уже любовью и широкимъ распространениемъ (кажется, это—самое раннее свидѣтельство).—Подписался Вышенскій подъ письмомъ: „странникъ реченный Вышенскій“: Франко (стр. 321) по-прежнему переводитъ „странникъ“ черезъ „подорожній“ хотя оно значить просто „монахъ“ и недоумѣваетъ, какъ понимать выраженіе „реченный“. „Реченный“ въ древне-русской рѣчи значить „прозванный“ и „такъ называемый“ (*ὁ καλούμενος*), и это служитъ явнымъ доказательствомъ, что „Вышенскій“ есть только временное прозвище автора, а не родовая фамилія.

Побывши на родинѣ, Вышенскій особенно ясно увидѣлъ всю важность учености для борьбы съ католичествомъ, но не менѣе ясно созналъ свою собственную слабость въ этомъ отношеніи. „Какъ пособить этому раздвоенію, Вышенскій не знаетъ“, говоритъ Франко свойственнымъ ему живымъ, образнымъ языкомъ (стр. 315): „передъ черною глубиною, которая тутъ предстала его очамъ, духъ его остановился въ ужасѣ. Можетъ быть, это и была одна изъ причинъ его возвращенія на Аѳонъ. Во всякомъ случаѣ на Аѳонѣ въ его умѣ быстро наступила реакція. Въ монашеской и пустынной жизни онъ опять видитъ высочайшій идеалъ жизни, и послѣднія его произведенія посвящены преимущественно защитѣ монашества: „Объ исправленіи церкви“, „Позорище мысленное“. Я бы лучше умолчалъ о „Исправленіи церкви“, а упомянулъ „Зачапку“.

№ 12. *Зачапка мудраго латынника съ лупымъ русиномъ на дистанцію, а по просту глаголющи въ гаданіе или бестуду Христофора инока Русина*—стр. 322—348. Христофоръ—псевдонимъ Вышенскаго. Составлена „Зачапка“ около 1607-го года. Проф. Сумцову она очень нравилась по своей силѣ,—Франко отрицаетъ эту силу и считаетъ „Зачапку“ однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній Вышенскаго. Конечно, и Сумцовъ, и Франко основываютъ свое сужденіе на чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, и потому трудно опредѣлить, кто изъ нихъ правъ; я

впрочемъ, принимая въ соображеніе много неподражаемаго юмора въ „Зачапкѣ“ (напр., въ комическомъ изображеніи заносчиваго латынники), охотно склонялось на сторону Сумцова.— Къ обширному обсужденію Франкомъ „Зачапки“ я могу прибавить развѣ вопросъ: не составлена ли „Зачапка“ въ параллель къ какимъ-то „Вопросамъ русина съ ляхомъ“, которые „пописалъ“ Потѣй ? см. Акты, относящ. къ исторіи Зап. Россіи“, т. IV, стр. 201. Кромѣ того, мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Вышенскій былъ знакомъ съ „Преніемъ Панагіота съ Асимитомъ“ и что „Зачапка“ составлена не безъ вліянія „Пренія“.

№ 13. *Порада о очищеніи церкви, заедно жъ о поруганіи иноческаго чина отъ свѣтскихъ и мірскаго житія челоувѣкъ, и что есть таинство иноческаго образа*—стр. 349—388. Во всѣхъ трехъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ эта статья помѣщается непосредственно за „Посланиемъ ко кн. Василю Острожскому“, причѣмъ въ двухъ рукописяхъ прямо слита съ „Посланиемъ“ въ одно цѣлое. По моему, въ этомъ есть и хронологическое основаніе: „Порада“ могла быть окончательно обработана тогда же, когда написано „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, т. е. приблизительно въ 1598-мъ году (хотя первоначально она могла быть составлена и раньше того). Франко же, напротивъ, думаетъ, что „Порада“ относится къ 1608-му году. Для доказательства самостоятельности „Порады“, какъ отдѣльнаго трактата, независимаго отъ „Посланія“, онъ ссылается на то, что въ подгребцкой рукописи первыя слова „Порады“ писаны киноварью. Да! но начинаются они: „Буди же“... Для объясненія безсвязности и обрывочности начала „Порады“, Франко предлагаетъ гипотезу, что сперва „Порада“ имѣла свое особое предисловіе (стало быть союзъ „же“ указывалъ на выводъ изъ этого предисловія), но потомъ оно было потеряно. Невѣроятна эта гипотеза, потому что ни на чемъ не основана. Внѣшнее доказательство отдѣльнаго болѣе поздняго составленія „Порады“ Франко видитъ въ томъ, что въ ней упоминается князь Острожскій, какъ мертвый, а онъ умеръ въ 1608-мъ году. Да! но и дѣти его упоминаются въ „Порадѣ“, какъ мертвые, а они-то въ 1608-мъ году были

живехоньки. Кулишъ вполне основательно подозрѣваетъ, что въ упоминаніи о семьѣ Острожскихъ мы имѣемъ дѣло съ пнтерполяціей позднѣйшаго переписчика. Потомъ Франко приводитъ (стр. 353) замѣчаніе Вышенскаго объ отступничествѣ православныхъ: „Тые на погибель опадають; што и вы въ своей земли недавно пострадали“, и прибавляетъ: „слова эти очевидно писались *послѣ* 1596-го года“. Ну, да конечно послѣ 1596-го, но дѣло въ томъ, что слова „недавно“ Вышенскій не произнесъ бы въ 1608-мъ году, черезъ *дванадцать* лѣтъ послѣ введенія уніи! такъ онъ могъ бы выразиться въ томъ же 1598-мъ году, когда писалъ и „Посланіе ко кн. Острожскому“. Далѣе Франко указываетъ въ „Порадѣ“ мѣсто, гласящее о православномъ безпоповьи, и видитъ въ этомъ доказательство для даты 1608-го года: „Слова Вышенскаго (говоритъ Франко, на стр. 353) ясно намекають на то время, когда во всѣхъ епархіяхъ малорусскихъ, кромѣ Перемышльской и Львовской, не было православныхъ епископовъ, такъ что православные должны были тайкомъ выписывать епископовъ изъ Молдавіи, а много приходоу было безъ поповъ, потому-что уніаты прогоняли православныхъ поповъ, сажали въ тюрьму и даже убивали. И такое состояніе продолжалось отъ 1596-го до 1623-го года“. Признавая крайнимъ пунктомъ 1596-й годъ, Франко ничуть не опровергаетъ моего предположенія о датѣ 1598-го г., а опровергаетъ самого себя. Еще одно доказательство Франка: „Вышенскій пишетъ, что „нынѣ межи ляхи князи рускіе *всѣ* поеретичѣли и христіанства, истинныя вѣры отступили“; такъ могъ писать нашъ авторъ только по смерти Острожскаго (т. е. послѣ 13 февр. 1608-го года. А. К.), по совершеніи того массоваго отступничества малорусскаго дворянства отъ православія къ уніи, какое мы видимъ изъ Өриноса М. Смотрицкаго 1610-го года (стр. 354)“. Нѣтъ, такое сожалѣніе о *всѣхъ* князьяхъ—вполне понятная гипербола. Лучшее опроверженіе Франку—упомянутый имъ Өр҃ѣносъ М. Смотрицкаго: онъ впервые изданъ не въ 1610-мъ году, какъ думаетъ Франко, а еще при жизни кн. Константина Острожскаго, въ 1596-мъ году (См. М. Вишневскаго: „*Historya literatury polskiej*“ Krakowie 1840—1857, t. VIII, pag. 139; Я. Головацкій:

„Дополненіе къ Очерку славяно-русской бібліографіи В. М. Ундольскаго“ СПБ. 1874, стр. 9, изъ XI тома „Сб. отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Н.). Франко и дальше аргументируетъ въ пользу 1608-го года: „Мы видимъ, что нѣкоторые изъ владыкъ, принявшихъ унию, уже умерли во время составленія Вышенскимъ „Порады“, потому-что онъ пишетъ: „Тые сами, изъ вѣры выбѣгши, въ яму безвѣрія впали и отъ себе собѣ смерть зъеднали“. Это намекъ (говоритъ Франко) на смерть Михаила Рагозы (стр. 354). Слова Вышенскаго значатъ только, что отступники погубили свои души и пойдутъ въ адъ, и всякое другое толкованіе не мыслимо. Притомъ, при Франковскомъ пониманіи термина „смерть“ пришлось бы видѣть въ выраженіи: „отъ себѣ собѣ смерть зъеднали“ намекъ на самоубійство; а развѣ Рагоза самоубійствомъ покончилъ жизнь свою?! Слѣдующее (по счету восьмое) доказательство Франка: „Въ Порадѣ“ мы видимъ упоминаніе о языческихъ обычаяхъ въ Жидичинѣ, въ горахъ св. Спаса, въ Острогѣ, на Волини и Подоліи,—неволью возникаетъ предположеніе, что авторъ наблюдалъ ихъ во время своего недавняго, путешествія на Русь въ 1605—1606 г. (стр. 356)“. А у меня возникаетъ предположеніе, что Вышенскій наблюдалъ эти языческіе обычаи въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и вплоть до послѣдней минуты перваго отправленія на Аѳонъ! На Аѳонѣ же ему могла попасться книжечка, изданная въ 1591-мъ г. львовской Ставропигіей и содержащая постановленіе православнаго собора 1590-го года противъ языческихъ суевѣрій (см. Акты, относ. къ истр. Зап. Россіи, т. IV, стр. 30, и въ дисс. Франка стр. 375), попалась также жалоба Ставропигіи 1592-го года на еп. Гедсона Балабана, пренебрегавшаго этимъ постановленіемъ,—словомъ, еще до путешествія на родину Вышенскій имѣлъ случаи вспоминать о языческихъ суевѣріяхъ. Девятое доказательство Франка: „Немаловажнымъ свидѣтельствомъ представляется мнѣ также и то, что авторъ въ „Порадѣ“ развиваетъ такой же ретроградный планъ просвѣщенія, какъ и въ „Запакѣ“ (стр. 356). Ничего отсюда не слѣдуетъ, потому-что до 1601-го года Вышенскій держался такихъ же ретроградныхъ плановъ просвѣщенія, какіе у него воскресли послѣ 1606-го года.—

Итакъ, всѣ девять доказательствъ Франка не выдерживаютъ самой слабой критики и даже девять разъ прямо говорятъ противъ него самого. Для круглаго счета прибавлю и десятое опроверженіе. Восхваляя славянскій языкъ, Вышенскій говоритъ, что ему учатся безъ грамматикъ („Акты, относ. къ ист. Южн. и Зап. Россіи“ т. II, стр. 210). Если бы онъ писалъ „Пораду“ въ 1608-мъ году, то ни за что не могъ бы написать такихъ словъ, потому что во время путешествія на родину 1605—1606 года онъ несомнѣнно познакомился съ грамматикой львовскихъ спудеевъ (1591) и Зизанія (1596); а на Аѳонѣ эти книги могли оставаться ему нѣсколько лѣтъ неизвѣстными. (Была еще и болѣе ранняя грамматика, 1586-го года, изданная въ Вильнѣ при типографіи Мамоничей, но эта коротенькая книжечка не имѣла большого распространенія и, вѣроятно, осталась Вышенскому неизвѣстной навсегда. См. П. И. Житецкаго: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв.“, Кіевъ 1889, стр. 16).

Разбираемый трактатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей: апологіи монашества (въ видѣ разговора съ дворяниномъ-латынникомъ) и собственно „Поряды“ объ очищеніи церкви: кусочекъ „Поряды“ стоитъ раньше „Апологіи“, а кусочекъ позже, такъ что „Апологія“ какъ бы вставлена въ рамку. Въ одно ли время написаны обѣ части, и когда именно? Франко совершенно резонно догадывается, что одна часть (Апологія иноческаго чина) сначала была составлена отдѣльно отъ другой части (собственно Поряды) и притомъ раньше ея, но не думаетъ, чтобы *и* раньше. Противъ послѣдняго замѣчанія я пока что не буду спорить и займусь опредѣленіемъ даты первой части. Франко говоритъ (стр. 360): „Такъ и кажется, что защита монашества составлена была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ разговоровъ съ какимъ-то „дворяниномъ“, т. е. шляхтичемъ-католикомъ, на Руси во время пребыванія тамъ нашего автора“. А не такой ли самый діалогъ видѣли мы и до путешествія Вышенскаго на Русь, въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестехъ“, т. е. около 1590-го года? (см. Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 257 и др.). Какъ въ „Апологіи иноческаго чина“, такъ и въ „Извѣщеніи“—

мы имѣемъ передъ собою одну и ту же спорящую пару, съ одними и тѣми же нравственными и даже внѣшними чертами, съ одними и тѣми же приѣмами доказательствъ и возраженій, и только содержаніе ихъ спора не выполнѣ одно и то же: „Апология монашества“ *дополняетъ* собою споръ съ латынникомъ въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестяхъ“. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что Апология, т. е. одна половина разбираемаго трактата, написана въ связи съ „Извѣщеніемъ“ и немного времени спустя послѣ него. Но когда же? Можетъ быть въ 1591-мъ году.

Обратимся теперь къ другой части трактата. Разберемъ сперва то начальное мѣсто „Порады“¹⁾, гдѣ Вышенскій переходитъ отъ „Посланія ко кн. Василю“ (содержащаго выходки противъ Скарги) къ совѣтамъ объ очищеніи церкви отъ „прелестей еретическихъ“. Это выраженіе „прелести“, сопровождаемое притомъ короткой экскурсіей противъ „срада латинскихъ пѣсней“, навело меня на подозрѣніе, не имѣетъ ли и „Порада“, подобно „Апологии иноческаго житія“, какой-нибудь связи съ тѣми же „Извѣщеніемъ о латинскихъ прелестяхъ“. Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго чтенія „Порады“, не о латинствѣ намѣренъ толковать здѣсь Вышенскій: онъ имѣетъ въ виду преслѣдовать здѣсь всякія *другія* ереси, которыя вторгнулись въ православную церковь и отъ которыхъ нужно ее очистить; эти ереси—„квась поганскій“ и иконоборство (см. Акты, Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 209). Самое выраженіе „ереси“ очень интересно: мнѣ невольно вспомнился небольшой (уже разобранный) трактатъ „Еретики“²⁾, т. е. „*Другіе* еретики (сверхъ латынниковъ)“, составленный около 1590—1591 года въ видѣ дополненія и приложенія къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестяхъ“. Мнѣ сразу

¹⁾ Впродъ подъ названіемъ „Порада“ мы будемъ понимать не весь трактатъ, носящій у Вышенскаго такое названіе, а только ту часть, которая получается послѣ исключенія „Апологии“ и содержитъ въ себѣ собственно совѣтъ о реформѣ церкви.

²⁾ Онъ собственно носить заглавіе: „О еретикохъ“, но я слегка видоизмѣнилъ это заглавіе, потому-что форма именит. падежа удобнѣе для меня въ стилистическомъ отношеніи при склоненіи не приходится всякій разъ добавлять слово: „трактатъ“.

бросилась въ глаза аналогія между „Порадой объ очищеніи церкви“ и упомянутыми „Еретиками“, и я задался вопросомъ: А какихъ собственно *другихъ* еретиковъ имѣлъ въ виду Вышенскій въ трактатѣ „Еретики“? Когда Франко въ своемъ мѣстѣ (стр. 149—150) разбиралъ „Еретиковъ“, онъ тамъ высказалъ замѣчаніе, что образъ этихъ еретиковъ у Вышенскаго—какой-то странный, общій и не подходитъ, напр., къ протестантамъ, бывшимъ тогда въ южной Руси. Въ такомъ случаѣ почему же Франко не спросилъ себя, не о язычествѣ ли говорить тамъ Вышенскій? Вѣдь вотъ какъ опредѣляетъ онъ ересь: „Ересь есть нечестіемъ развращенный умъ, прелесть мнѣнія, изнеможеніе помысла, сомнѣніе о истинѣ, двоедушіе (двоевѣріе?), слѣпота мысленная, конечное же невѣріе“ (см. текстъ „Еретиковъ“, изд. Игн. Житецкимъ. „Кіев. Стар.“ 1890, іюнь, прилож., стр. 112). Такое опредѣленіе ереси чрезвычайно подходитъ къ языческимъ, двоевѣрнымъ суевѣріямъ и обрядамъ, противъ которыхъ духовенство малорусское конца 16-го вѣка подняло борьбу. Обличая эту „ересь“, Вышенскій дѣлаетъ ссылки въ „Еретикахъ“ только на самыхъ первыхъ учителей христіанства, на апостоловъ языковъ: Іоанна Богослова, Петра, Іуду, Павла („Кіевск. Ст., стр. 112). Такимъ образомъ уясняется тѣсная связь „Еретиковъ“ и „Поряды о очищеніи церкви“, причемъ первый трактатъ содержитъ общія основанія, а второй разрабатываетъ реальныя частности.

Кромѣ нападокъ на язычество, „Еретики“ содержатъ (во второй половинѣ) нападки и на протестанство. Я уже упомянулъ, что Франко съ этимъ не согласенъ; но по моему, это такъ. Слова Вышенскаго: „Сіи аще бы не образъ Божій трипостасный обносили, отъ свиній безсловесныхъ ничимъ же разнствуютъ. Где бо въ нихъ вѣра? где церковь? где священство? где правило? где постъ?“ и т. д.—слова эти относятся, конечно, къ протестантамъ (см. текстъ И. Житецкаго, стр. 113). „Порада“ (стр. 209) также содержитъ нападки на протестантизмъ, особенно на иконоборство. Пунктомъ объ иконоборствѣ „Порада“ прямо указываетъ на общій источникъ ея и „Еретиковъ“: этотъ источникъ—„Книжица“ Василия Суражскаго (1588). Какъ мы

знаемъ изъ заявленія самого Вышенскаго, „Книжица“ дала начало „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“; вполне естественно думать, что она же дала начало и продолженію „Извѣщенія“—„Еретикамъ“; (см. выше, разборъ этихъ произведеній); одна глава въ этой „Книжицѣ“ посвящена вопросу объ иконоборствѣ и защитѣ иконопочитанія, т. е. направлена противъ „другихъ“ еретиковъ (сверхъ латынниковъ),—она-то и могла породить у Вышенскаго какъ часть „Еретиковъ“, такъ и извѣстную антиконоборческую часть „Порады“.—Эти соображенія, соединенныя съ предыдущими (о язычествѣ), заставляли бы насъ назначить датой для „Порады“ приблизительно 1591-й годъ.

Но „Пораду“ можно сопоставить еще съ однимъ сочиненіемъ Вышенскаго, написаннымъ уже въ 1593-мъ году: „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“. Оно возникло подъ вліяніемъ жалобы, которую въ февралѣ 1592-го года послало Ставропигійское Львовское братство константинопольскому патріарху Іереміи на львовскаго епископа Гедеопа Балабана, разрѣшившаго нѣкоторые языческіе обычаи. Не стоятъ ли во взаимной связи проповѣдь противъ языческихъ обычаевъ въ „Порадѣ“ и такая же проповѣдь въ „Писаніи до всѣхъ“? Франко мимоходомъ (стр. 377) усматриваетъ зависимость „Порады“ отъ жалобы львовскихъ братчиковъ на Балабана, но выводовъ отсюда никакихъ не дѣлаетъ. А у насъ выводъ будетъ тотъ, что „Порада“ съ одной стороны примыкаетъ къ „Еретикамъ“ (1591¹⁾), а съ другой стороны примыкаетъ къ „Писанію до всѣхъ обще (1593)“. Всѣ эти три произведенія относятся, очевидно, къ одному періоду, всѣ три имѣютъ въ себѣ много взаимныхъ пунктовъ, всѣ три идеями своими дополняютъ одно другое, во всѣхъ трехъ полемическихъ нападки еще не сосредоточены *исключительно* на латынствѣ, а большей частью направлены вообще на „прелести еретическія“.

Дальнѣйшая литературная исторія разбираемаго нами монашескаго трактата представляется мнѣ слѣдующимъ образомъ. Написанные въ 1591—1593 гг., „Апология иноческаго чина“ и

¹⁾ И даже къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“.

„Порада о очищеніи церкви“ лежали нѣсколько лѣтъ у Вышенскаго, пока онъ не задумалъ сдѣлать изъ нихъ дополненіе и *postscriptum* къ „Посланію до кн. Острожскаго“ (1599). При этомъ онъ далъ имъ окончательную редакцію, добавилъ, конечно, нѣкоторыя связующія фразы и, кромѣ того, приписалъ одну или нѣсколько страницъ, гдѣ говорится о православномъ безпоповьи и о достоинствахъ славянскаго языка. Безпоповье, какъ мы ужъ упоминали, началось въ южной Руси послѣ 1596-го года; Вышенскій въ „Порадѣ“ говоритъ о немъ, какъ о событіи недавнемъ, свѣжемъ. Приемы защиты и восхваленія славянскаго языка и славянской „глупости“ въ сравненіи съ латинскимъ языкомъ и латинской мудростью („Порада“, стр. 210) позволяютъ думать, что здѣсь Вышенскій желалъ дать отвѣдъ на насмѣшки Скарги, издѣвавшагося надъ славянскимъ языкомъ и православной „глупостью“ въ своей книгѣ: „O rządzie i jedności kościoła Wożego“. Эту книгу Вышенскій впервые узналъ не изъ перваго ея изданія 1577-го года и не изъ втораго—1590-го года, а только изъ „Апокрисиса“ Филалета, т. е. ужъ въ 1597-мъ году. Плодомъ чтенія „Апокрисиса“ было, мы уже знаемъ, „Посланіе ко кн. В. Острожскому“; плодомъ чтенія „Апокрисиса“ были, очевидно, и вышеуказанныя добавленія къ „Порадѣ“, послѣ чего „Посланіе“ и „Порада“ были слиты Вышенскимъ въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ однако особыхъ заглавій (какъ это было въ обычаѣ у Вышенскаго). Въ такомъ видѣ, т. е. какъ одно цѣлое, мы находимъ „Посланіе“ и „Пораду“ во всѣхъ рукописяхъ; и въ собственноручномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго „Порада“ помѣщена непосредственно послѣ „Посланія ко кн. Острожскому“. Интересно, что поминаеніе Скарги въ „Посланіи ко кн. Острожскому“ „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ и выходки противъ латынника въ „Порадѣ“ (стр. 210) чрезвычайно напоминаютъ другъ друга и тономъ, и даже одинаковыми выраженіями.—Если мы предположимъ, что „Порада“ была окончательно редактирована Вышенскимъ не въ томъ же 1598-мъ году, когда было составлено „Посланіе ко кн. Острожскому“, а немного позже, напр., въ началѣ 1599-го года, или если допустимъ, что и „Посланіе“ составлено въ 1599-мъ году, то найдемъ еще одинъ

литературный источник ея: письмо покровителя Вышенского патриарха Мелетія Пига, противъ иконоборства, изданное въ Острогѣ въ 1598-мъ году. Не оно ли заставило Вышенского вспомнить о давно хранившемся у него антииконокластическомъ отрывкѣ „Порады“ и взяться вновь за ея обработку?

Комментаріевъ и разъясненій Франка къ „Порадѣ“ я, по обычаю, не излагаю, а упоминаю здѣсь о ихъ существованіи только потому, что хочу сдѣлать два возраженія. На стр. 378-й читаемъ: „Интересно у Вышенского упоминаніе про „волочѣльне по Воскресеніи“, которое, по его словамъ, соединено было „со смѣхомъ и руганіемъ діавольскимъ“, т. е. съ какими-то забавами и танцами. Теперь въ Малороссіи нѣтъ волочильнаго, только у бѣлоруссовъ есть „волочобныя пѣсни“ и „волочebníки“, да и то не на Пасху, а на Рождество,—то, что наши колядки и колядники“. Почему это Франко подъ „руганіемъ діавольскимъ“ понимаетъ танцы, остается для читателя неизвѣстнымъ. Но не въ томъ главная его вина, а въ томъ, что напрасно онъ поспѣшилъ изгнать изъ Малороссіи „волочилне“. Въ Малороссіи до настоящаго времени Свѣтлый понедѣльникъ называется „волочиннымъ“. Въ этотъ день крестьяне ходятъ другъ къ другу, христосуются, мѣняются писанками. Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ „волочилнее“, состоящее обыкновенно изъ пшеничнаго калача и нѣсколькихъ крашанокъ; обычай хожденія называется „волочиннымъ“. Въ этотъ же день парубки, при встрѣчѣ съ дѣвушками, обливаютъ ихъ водою (вотъ онъ—„смѣхъ и руганіе діавольское“!), а то дарятъ ихъ крашанками. См. объ этомъ у Чубинскаго („Труды этн.-стат. эксп. въ зап.-р. край“, т. III, стр. 24) и у Ив. Левицкаго-Нечуя („Свитоглядъ украиньского народу“. Правда, 1876, 19; отдѣльнаго изданія этой книги у меня нѣтъ). Любопытно мнѣ было бы знать, откуда взялъ Франко свѣдѣніе, что въ Бѣлоруссіи „волоčenje“ совершается не на Пасху, а на Рождество.—Другое мое замѣчаніе, или возраженіе, касается стр. 387—388, гдѣ Франко говоритъ, что южно-русскія братства сложились въ генетической зависимости отъ религіозныхъ Мо-

равскихъ братствъ XV—XVI вѣка. Франко забываетъ, что церковный характеръ малорусскихъ братствъ—черта ужь позднѣйшая, и что прежде всего это были братства ремесленно-цеховыя. Слѣдовало бы Франку познакомиться, по этому предмету, не только съ трудами Костомарова, но и съ трудами Ефименко и Флерова.

№ 14. *Термина о лжи*, т. е. собраніе прежнихъ сочиненій Вышенскаго, счетомъ десяти, сдѣланное самимъ авторомъ и снабженное предисловіемъ. Франко затрудняется на счетъ смысла слова: „Термина“, но мнѣ кажется, что смыслъ ясенъ: „термина о лжи“—„опредѣленіе относительно лжи“—„обличеніе ересей“. Впослѣдствіи Вышенскій составилъ еще другую „Термину“ и отправилъ ее на имя князя Михаила Вышневецкаго около 1615-го года, но та до насъ не дошла. На чье имя и когда онъ отправилъ первую „Термину“, рѣшить не такъ легко. Франко хочетъ отнести ее къ 1608-му году, но его доказательства очень слабы. Точное заглавіе „Термины“ такое: „Книжка Іоана мниха вишенскаго отъ святыхъ аеонскіхъ горъ въ напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствамъ и всѣмъ благочестивымъ в Малой Россіи, в Коронѣ Полской жительствовавшимъ иноческаго чина общежителемъ, архимандритомъ и священноинокомъ и честнымъ монахомъ и инокинямъ, всѣмъ сестрамъ нашимъ, и прочіимъ тѣмъ церковнымъ, благодать Господа нашего Ісуса Христа и любви Бога Отца и причастіе святого Духа буди со всѣми вами. Аминь“ („Кіев. Стар.“ 1886, апрѣль, прилож., стр. 27). Франку (стр. 390) кажется, что упоминаніе про монахинь *прямо* намекаетъ на старицу Домникію, откуда слѣдуетъ, что „Термина“ послана была Вышенскимъ послѣ его путешествія на родину, т. е. послѣ 1606-го года. Откуда Франко знаетъ, что Вышенскій не былъ знакомъ съ Домникіей раньше путешествія на Русь въ 1606-мъ году?! И гдѣ это онъ увидѣлъ въ заглавіи „Термины“ *прямое* указаніе на Домникію?! Выраженіе: „инокинямъ“—простая, обычная формула. Въ каждомъ молитвенникѣ существуетъ „Помянникъ“, который слѣдуетъ присоединять къ повседневымъ молитвамъ утреннимъ и вечернимъ: приведенное обращеніе Вышенскаго ко всему православному міру и къ инокинямъ въ томъ числѣ—есть

ничто иное, какъ конспектъ нѣсколькихъ прошеній подобнаго помянника, или ектеніи. Второе основаніе датировать „Термину“ 1608-мъ годомъ Франко видитъ въ томъ фактѣ, что въ ней помѣщена „Порада о очищеніи церкви“. И это основаніе приходится отбросить, потому-что „Порада“ составлена гораздо раньше. Третье основаніе у Франка (стр. 391)—слова Вышенскаго въ предисловіи: „За невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запусѣніе з нашею православною вѣрою“. Франко видитъ здѣсь намекъ на смерть кн. Острожскаго, послѣдовавшую въ 1608-мъ году. Но текстъ не даетъ права на такое толкованіе: фактъ введенія уніи въ 1596-мъ году—вотъ на какое „запусѣніе“ могъ намекать Вышенскій. Всѣ Франковскія соображенія можно будетъ приурочить къ 1608-му году только въ томъ случаѣ, если найдется *помимо нихъ* какое-нибудь несомнѣнное указаніе, что именно тогда Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“.

Не менѣе запутанъ вопросъ о порядкѣ въ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, помѣщенномъ въ предисловіи къ „Терминѣ“. Франко находитъ, что перечень этотъ—совершенно произвольный, случайный, отнюдь не хронологическій. По моему, это не совсѣмъ такъ. Судя по порядку статей, можно думать, что Вышенскій послалъ „Термину“ на имя князя К. Острожскаго (какъ впоследствии вторую Термину на имя князя М. Вишневецкаго) и систематизировалъ ее примѣнительно къ князю Острожскому. „Обличеніе на діавола“, написанное, конечно, попозже другихъ произведеній, Вышенскій помѣстилъ въ самомъ началѣ сборника въ видѣ предисловія (это соображеніе выставляетъ и Франко). Послѣ этого предисловія слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, какъ къ адресату всего сборника. Слѣдующее затѣмъ произведеніе: „Порада“—приложеніе къ „Посланію ко кн. Острожскому“. Далѣе, до конца, мы усмотрѣли бы во всемъ перечнѣ правильную послѣдовательность хронологическую, если бы „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ съ его постъ-скриптами стояло на надлежащемъ мѣстѣ. Быть можетъ, Вышенскій поставилъ его на шестомъ мѣстѣ, а не на четвертомъ (какъ слѣдовало бы), по той причинѣ, что посланія №№ 4—5 были, по его мнѣнію, важнѣе содержаніемъ, чѣмъ „Извѣ-

щеніе о латинскихъ прелестехъ“, а „Извѣщеніе“, по его мнѣнію, было удобнымъ догматическимъ дополненіемъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ я не скрываю отъ себя, что и мое объясненіе порядка сочиненій „Термины“ имѣетъ характеръ вѣроятности, а не достовѣрности.

Въ какомъ же году, однако, была отправлена „Термина“ на Русь? Разбирая „Новину“, „Слѣдъ“ и „Обличеніе“, я показывалъ, что они могли быть написаны или около 1598-го года, или около 1607-го года. Если вѣрна первая половина дилеммы, то есть основаніе предположить, что Вышенскій послалъ „Термину“ на родину между 1601—1605-мъ годами: ничего новаго въ этотъ промежутокъ онъ не составлялъ, откуда и возникаетъ подозрѣніе, что въ это время онъ былъ занятъ редактированіемъ и перепиской прежнихъ своихъ сочиненій; переписавши все, Вышенскій, по моей догадкѣ, послалъ „Термину“ на руки князя Острожскаго, который могъ бы дать ему защиту противъ людей, грозившихъ проповѣднику смертью въ случаѣ его прихода на Русь. Если же вѣрна вторая половина дилеммы (касательно 1607-го года), то переписку приходится предположить между 1606-мъ годомъ и февралемъ 1608-го (до смерти кн. Острожскаго).

№ 15. *Посланіе Іову Княгиницкому* (стр. 398—403)—оставлено Вышенскимъ послѣ 1607-го года и отнесено Франкомъ къ 1610-му г. По моему, дату можно подвинуть впередъ даже подальше. Вышенскій пишетъ, что онъ ужъ собрался было идти на Русь опять, какъ вдругъ его остановили нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства;—не вѣрится, чтобы въ трудное и далекое путешествіе онъ могъ собираться *вскорѣ* послѣ возвращенія изъ перваго. Но, конечно, точныхъ доказательствъ для этой догадки найти пока что нельзя. Что же касается того соображенія, которое приводитъ Франко, то оно мнѣ представляется слабымъ, не доказаннымъ, хотя съ тенденціею его я вполне согласенъ. Въ письмѣ Вышенскаго къ Іову (Арх. Ю.-З. Р., 1, VII, 36) встрѣчается такая фраза: „Отънелиже придохъ, не точію на келии, но и на нещеры двѣ погловъщизны дукатовъ влѣзлѣ, такожде и на святую гору, отъ ней же бѣ товар одинъ прежде соборнаго гарачу, нынѣ же и до четырехъ влѣзло“. По мнѣнію

Франка (стр. 399), такое значительное увеличеніе подати врядъ ли возможно было въ одинъ годъ и безъ длинныхъ и упрямыхъ переговоровъ. Съ чего это предположилъ Франко такую деликатность у турокъ, которая мѣшала бы имъ возвысить подать сразу и заставляла бы предварительно вести тонкую, церемонную дипломатію съ подчиненными гяурами?! А если Франко такъ вѣрить въ турецкую дипломатію, „якъ турчынъ у мисяць“, то что мѣшаетъ ему предположить, что переговоры начались за десять-пятнадцать лѣтъ до нутешествія Іоанна на родину?!—Имя Іова Франко передѣлываетъ въ странную форму: „Йовъ“ (односложную). И великороссы, и малороссы произносятъ „І“ въ этомъ имени за отдѣльный слогъ, не обращая его въ йоту, да и по еврейски это слово — двусложное. Такая форма, въ какой является это имя у Франка, годится развѣ для наименованія главнаго латинскаго бога (Juppiter, Jovis).

Противъ главы 17-й и 18-й (стр. 404—416), гдѣ Франко разбираетъ „Посланіе до братства Ставропигійскаго“, „Позорище мысленное“ и „Письмо къ кн. М. Вишневецкому“, ничего не могу возразить. Равнымъ образомъ ничего, кромѣ похвалъ, не могу сказать объ „Указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, названій мѣстностей и заглавій книгъ“, упоминаемыхъ въ диссертациі (стр. 499—534), и потому считаю свой разборъ 2-й части и вмѣстѣ съ тѣмъ всей книги—оконченнымъ.

Я ужъ упомянулъ, что при своемъ разборѣ „Ивана Вишенського“ Франка я поставилъ себѣ спеціальной цѣлью—атаковать слабые пункты диссертациі. Не удивительно поэтому, что мой разборъ превратился не во всестороннюю оцѣнку (которая, конечно, была бы чрезвычайно благопріятна для Франка), а въ одностороннее обвиненіе. Однако, и при такой постановкѣ дѣла читатель, надѣюсь, увидѣлъ, что Франку нельзя отказати ни въ блестящемъ талантѣ, ни въ эрудициі. Бѣда только, что талантъ его не вполне уберегся отъ вліянія „галицкаго“ на-

строенія науки, которое требуетъ гипотезъ пограндіознѣе, по-невѣроятнѣе (яркій образецъ такого отважнаго настроенія—Омельянъ Партыцкій). Что же касается эрудиціи Франка, то ея недостатокъ въ томъ, что она больше польско-нѣмецкая, чѣмъ русская. Историкъ южно-русской литературы долженъ, подобно нашимъ малороссамъ, чувствовать себя въ общерусской наукѣ вполнѣ дома, и тогда будутъ немислимы такіе промахи, какъ возведеніе Максима Грека въ санъ московскаго архіепископа и открытіе въ 1895-мъ году „Изборника Святослава“, который извѣстенъ намъ чуть ли не сто лѣтъ. Будемъ разсчитывать, что при второмъ изданіи диссертациі, которое авторъ обѣщаетъ, подобныхъ промаховъ не будетъ, и что мы будемъ имѣть о Вышенскомъ такую прекрасную монографію, какой еще не удостоился ни одинъ изъ старинныхъ южно-русскихъ литераторовъ. Такія надежды возлагать на Франка мы вправѣ. Если справедливо извѣстіе, сообщенное газетами, что Франко назначенъ профессоромъ львовскаго университета на мѣсто покойнаго Огоновскаго, то историкамъ южно-русской литературы остается только порадоваться.

Остается сказать о внѣшней сторонѣ труда: языкѣ.

Въ послѣднихъ годахъ предыдущаго десятилѣтія малорусскій языкъ у Франка былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь. Порча языка сказывается, пожалуй, не въ области лексики; правда, встрѣчаются слова вроде „наметности (стр. 486)“, „восклькь (стр. 473)“, но ихъ и немного, и они составляютъ полбѣды. Гораздо хуже то, что *синтаксисъ* у Франка совсѣмъ не малороссійскій, а искусственный, и притомъ приближается не столько къ литературному русскому (тоже искусственному, но все таки наиболѣе близкому къ народному малорусскому синтаксису), сколько къ польскому и нѣмецкому (которые совершенно не годятся для малорусскаго языка). Если Достоевскій и гр. Толстой жалуется на искусственность литературнаго (прекрасно обработаннаго!)

русского языка и требуют водворенія народнаго синтаксиса, то во сколько же разъ обязательнѣе то же требованіе для писателя малорусскаго, который не обязанъ держаться старинныхъ историческихъ традицій и смѣетъ прямо черпать изъ сокровищницы народной!... Изъ отдѣльныхъ случаевъ неправильной фразеологіи у Франка я отмѣчу только одно выраженіе, доходящее до курьеза: „Идучи въ задъ видѣ сеи даты“ (стр. 427).

Когда моя статья была ужъ написана, я получилъ изъ Львова обрывки какой-то книжки,—судя по всему, это кусокъ изъ послѣдняго тома „Записокъ науковаго товариства имени Шевченка“. Обрывки эти содержатъ конецъ рецензіи Верхратскаго на Словарь Срезневскаго и начало рецензіи на диссертацию Франка (стр. 29—40). Конца рецензіи нѣтъ, а потому нѣтъ и подписи, но изъ контекста ясно, что ее писалъ др. Кирило Студинскій. На стр. 35-й, при рецензированіи „Извѣщенія о латинскихъ прелестехъ“, Студинскій такъ же, какъ и я, возражаетъ Франку, что папу антихристомъ называли и до Вышенскаго. То, чего я не могъ вспомнить, вспоминаетъ именно этотъ Студинскій: еще Мотовило, въ своемъ отвѣтѣ на „Jedność“ Скарги, честилъ папу титуломъ антихриста (П. Устряловъ: „Сказанія князя Курбскаго“, 1868, стр. 249).

Мнѣ прислано 12 страницъ рецензіи Студинскаго, а всего она занимаетъ, быть можетъ, страницъ двадцать: по этому вполне правильно оцѣнить ее нельзя. Общее впечатлѣніе однако говоритъ скорѣе противъ нея, чѣмъ за нее. Нельзя, конечно, не признать за г. Студинскимъ извѣстной начитанности по южнорусской литературѣ; тѣ нѣсколько примѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ къ нѣкоторымъ главамъ Франковской диссертациі (обыкновенно онъ ограничивается простымъ пересказомъ ея) имѣютъ свою цѣну; но въ своихъ похвалахъ г. Студинскій несносенъ. Что и говорить! диссертациа Франка заслуживаетъ похвалъ и очень большихъ: но Студинскій очень не критиченъ, очень легковѣренъ и хвалитъ какъ разъ тѣ мѣста диссертациі, которыя слабѣе прочихъ. Выскажетъ Франко какую-нибудь невѣроят-

нѣйшую гипотезу, а Студинскій заявляетъ: „та гадка здаеся мени дуже удачною“. Гипотезу путешествія Вышенскаго на Аѳонъ черезъ Венгрію и Охриду Студинскій называетъ „дуже быстроумною“. И тутъ сказалось то „галицкое“ настроеніе научной мысли, какимъ ознаменовалъ себя проф. Партицкій!

А. Крыжскій.

